

INSPIRIA

ДРУГАЯ МИССИС МИЛЛЕР

«НАСТОЯЩАЯ СЕНСАЦИЯ... УМНЫЙ, СМЕШНОЙ
И НАПРЯЖЕННЫЙ ТРИЛЛЕР»
CRIMEREADS

ЭЛИСОН ДИКСОН

INSPIRIA

Ток. Слишком близко. Семейные триллеры

Элисон Диксон

Другая миссис Миллер

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Диксон Э.

Другая миссис Миллер / Э. Диксон — «Эксмо», 2019 — (Ток.
Слишком близко. Семейные триллеры)

ISBN 978-5-04-117365-4

Две женщины следят друг за другом. У дома Фиби Миллер постоянно паркуется незнакомый автомобиль. Фиби уверена, что за ней кто-то шпионит. Но что может быть интересного в несчастной хозяйке, которая заедает горе мороженым, запивает вином и никуда не ходит? Это знает только один человек. В дом напротив въезжает семья: буйная Вики – идеальная лучшая подруга, о которой Фиби мечтала, и ее симпатичный сын Джейк. Лишенная красок рутина миссис Миллер начинает наполняться новыми смыслами, чувствами и волнениями, и она уже не вспоминает о странной шпионке в автомобиле. Хотя стоило бы... «Эта книга обязательна к прочтению всем, кто любит неожиданные убийства и искусные интриги» — BookPage «Непредсказуемые сюжетные повороты для острых ощущений и глубокая история о горькой правде, скрывающейся за пестрым фасадом счастливой жизни». — Booklist «Настоящая сенсация... Умный, смешной и напряженный триллер» — CrimeReads

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-117365-4

© Диксон Э., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Интерлюдия	14
Глава 3	15
Интерлюдия	18
Глава 4	19
Глава 5	24
Интерлюдия	32
Глава 6	34
Интерлюдия	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Элисон Диксон

Другая миссис Миллер

Кену, который видел и любил каждую версию меня

Allison Dickson
The Other Mrs. Miller

* * *

This edition published by arrangement with Levine Greenberg Rostan Literary Agency and Synopsis Literary Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Allison Dickson, 2019

© Егизарян П., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Часть 1

Миссис Миллер

Глава 1

Этим утром синяя машина снова здесь. Она все время останавливается ниже по улице, в разных местах, но всегда в поле видимости Фиби. Старый «Форд Фокус» со ржавыми крыльями и треснутым лобовым стеклом, через которое практически невозможно рассмотреть водителя, даже с мощным биноклем, остался бы незамеченным в любом другом месте в Чикаго. Но на тихих улицах Лейк-Фореста, где даже трехлетний «Ленд Ровер» кажется древним, этот «Форд» выглядел гнилым резцом в ряду отбеленных зубов. Единственной подсказкой насчет личности водителя был магнит на передней пассажирской двери с надписью «Экзекутив Курьер Сервисес», но Фиби ни разу не видела, чтобы к кому-то пришли с доставкой.

Фиби не была уверена, когда эта машина появилась впервые, но как только она заметила ее постоянное присутствие, она начала вести журнал, как назойливые полицейские, которые раздражали ее саму. В маленьком блокноте было три колонки: время приезда, место парковки, время отъезда. Сначала в появлениях машины не прослеживалось никакой системы – она приезжала, может, два-три раза в неделю, максимум на час. Но на прошлой неделе машина стояла здесь каждый день по меньшей мере три часа, иногда пять, значительно дольше любого перерыва в рабочий день. Фиби не заметила, чтобы водитель выходил хотя бы размять ноги. Она подумывала спросить соседей, что они думают об этом вторжении, но за пять лет жизни в этом доме она так ни с кем и не подружилась.

Дело не в том, что она не любит людей. Она просто... ну, может, это не слишком далеко от истины. Люди – это назойливые твари, всегда готовые взвалить на тебя бремя своих ожиданий. Это особенно верно, когда твое имя придает тебе хоть какой-то статус, хотя сомнительно, чтобы от этого статуса сейчас что-то осталось.

Фиби пыталась высказать мужу свои опасения, но Уайатт посчитал, что у нее паранойя: и насчет машины, и насчет того, что о ней думают соседи. Он настаивал на том, что это просто стресс, что безумие в СМИ пройдет, когда кто-то или умрет, или скажет какую-то глупость – а это случится... примерно через три секунды. Поскольку Уайатт – психотерапевт, самодовольства в таких словах всегда достаточно, чтобы заткнуть ее. Между строк, конечно же, читалось, что она просто мается от безделья, раз ее занимают припаркованные автомобили и воображаемые сплетни. Может, он был прав, но все равно это заставляло ее стискивать зубы от гнева.

Некоторое время Фиби обдумывала вариант позвонить в полицию, но что она скажет им? Здесь не закрытая территория. Люди могут приезжать и уезжать, как им заблагорассудится. Давным-давно менее замкнутую Фиби не интересовали крепости с высокими стенами вроде некоторых домов поблизости или гнетущего поместья ее отца на берегу озера в Гленко. Ее подкупила относительная нормальность их нынешнего дома в сравнительно сдержанном тюдоровском стиле, который стоял в конце тупика с буйной растительностью; его открытость миру и всего пара домов по соседству, расположенных близко, но не слишком. Из-за этой машины такая доступность теперь вышла ей боком, но все же ей не поступали никакие угрозы или подозрительные телефонные звонки. Все, что у нее есть – это домыслы, подпитываемые усталостью. У нее нет даже описания водителя, который, судя по миниатюрному силуэту, с вероятностью девяносто процентов либо женщина, либо очень худощавый мужчина. Единственная деталь, которую ей удалось рассмотреть достаточно четко, была голубая рубашка и кепка – по-видимому, униформа. *«Потому что, скорее всего, это чертов курьер»*, – проговаривала про

себя Фиби холодным раздраженным голосом мужа. Так что нет, она не будет звонить копам. Пока не будет серьезного повода.

Конечно, Фиби могла прямо сейчас решить все вопросы. Просто выйти на улицу, подойти к машине, постучать в окно и дружелюбно спросить, в чем дело. Но с учетом всего происходящего она не могла вынести мысль даже о малейшем унижении. Что, если это правда всего лишь скромный курьер, которому нравится сидеть здесь на перерыве и заниматься бумажной работой? Или друг кого-то из соседей Фиби, которых она годами игнорировала? Она уже слышала их сплетни. *А, эта? Это Фиби Миллер. Не слышал про нее? Ты точно знаешь про ее отца...*

Есть и худший сценарий: этот курьер на самом деле может быть высматривающим ее журналистом, надеющимся сделать пару нелестных фото растрепанной наследницы на пике паранойи. В конце концов, публика жить не может без постоянной дозы злорадства. Почему на этот раз она не может оказаться в центре внимания?

Но она стала задумываться и о более вероятной причине своего бездействия: наблюдение за машиной стало для нее игрой, ярким пятном среди довольно ровного течения жизни. Правда об этом человеке, вероятно, такая приземленная, что может только усугубить ее депрессию, так зачем выяснять ее? Нужно наслаждаться чем-то необычным. Это не будет длиться вечно. Как и все остальное.

Сделав заметку о сегодняшнем появлении, Фиби вернулась на кухню, чтобы подлить себе кофе и выяснить следующие вопросы: что Уайатт будет сегодня на ужин, посмотрит ли он с ней оставшиеся серии «Игры престолов» или ей продолжать самой? Ах, гламурная жизнь. В этот момент он выхлебывал остатки молока из своей миски с хлопьями, и этот звук немедленно привел ее в раздражение. Он всегда так делал или она заметила только сейчас, спустя десять лет?

В последнее время Фиби заметила еще несколько микропривычек Уайатта, за которые ей хотелось огреть его по голове чугунной сковородой, как делают жены в старых мультфильмах. К примеру, как он давит фальшивый смешок после своих пассивно-агрессивных замечаний, которые он в последнее время вставляет через фразу. Или как он каждый раз облизывает палец, переворачивая страницу в журнале; Фиби была уверена, что слышит звук соприкосновения языка и кончика пальца, и ей приходилось уходить из комнаты всякий раз, когда он доставал свой «Ньюсуик» или «Роллинг Стоун». По более распространенной мужской привычке, он начал еще и оставлять свои волосы в раковине после прочистки электробритвы. Но она была уверена, что из всех способов взбесить ее, именно омерзительный звук его хлопанья, хруста и чавканья за каждым приемом пищи доведут ее до предела. Недавно она прочитала об исследовании, связывающем чувствительность к звукам приема пищи и высоким IQ. Теперь Фиби была уверена, что ее примут в международный клуб интеллектуалов «Менса».

Она успокаивала себя простой мыслью. Всего через несколько минут он уедет на работу. Благодатная тишина скоро укутает ее, как пушистое одеяло, и в этот момент она запрет все двери, включит сигнализацию и уляжется в кровать, растянув руки и ноги в позе морской звезды. Где-то около полудня она встанет, наденет халат и принесет к бассейну книгу и бутылку вина. За два часа до прихода Уайатта она оденется и причешется, пытаясь не замечать отросшие корни и секущиеся кончики волос, появившиеся спустя месяцы после последнего посещения салона. Она нанесет легкий макияж, надеясь скрыть углубляющиеся морщины вокруг глаз и осветлить свой все более землистый цвет лица. Она наденет что-нибудь тянущееся, чтобы вместился ее постоянно толстеющий зад.

Фиби не могла понять, в какой момент она себя запустила. Похоже, что она постепенно сдавала позиции. Еще два года назад она, не раздумывая, проводила в салоне красоты многие часы, мазалась кучей дорогих сывороток и кремов, сделанных для того, чтобы женщины думали, будто могут повернуть время вспять. Она отчетливо помнила, как проводила два-три часа в день в тренажерном зале, садилась на любую причудливую диету, обещающую разгла-

дить жуткие жировые складки, только если отказаться от этого одного открытого учеными ингредиента. Эта нежная, как пирожное, версия Фиби все еще не бросала провальные попытки забеременеть. А еще она пока не видела, как ее отец, которого она боялась и ненавидела большую часть жизни и столь же сильно и болезненно любила, скоропостижно умер от рака поджелудочной железы, так что у него даже не хватило времени попросить у нее прощения, хотя, конечно, он всю жизнь надеялся сделать это.

Теперь, после смерти Дэниэла, она *по-настоящему* напоминает пирожное: бледная, округлая, разве что далеко не такая сладкая. Прежде всего в этом были виноваты именно гормоны, которые она принимала, но ежедневные мороженое и алкоголь тоже не улучшали ситуацию. Но эти перемены принесли и что-то хорошее. Например, она снова открыла радость бездетности и безграничные возможности для того, чтобы читать у бассейна и выпивать днем. Еще она постигла нирвану, просто расхаживая в штанах для йоги по дому, а не делая позы, и умиротворение, забыв о списках продуктов, калориях и количестве макроэлементов. Ее любимый синоним для спокойствия был из французского: каберне-совиньон.

И она принимает спокойную простоту затворнического образа жизни, где все входящие звонки отправляются на свалку переполненной голосовой почты, где все преступления ее отца – это всего лишь заголовки, которые она пролистывает в поисках очередного глупого теста, обещающего сказать ей, какой она сорт сыра (гауда) или в какой стране ей следовало бы родиться (Швейцария – нейтрально). Дэниэл Нобл, может, и основатель трастового фонда, обеспечивающего ей такую жизнь, но она не несет ответственности за самого человека. Она считает семейное состояние честно полученной компенсацией за детство с ублюдком.

Уайатт, кажется, не заметил этих постепенных изменений в своей жене или, если и заметил, предпочитал игнорировать их. Он знал, что она бросила попытки забеременеть, но все еще продолжал спрашивать перед сексом, была ли у нее овуляция – вопрос, который сразу отобьет желание у любого нормального человека.

После завтрака он прополоскал свою миску и поставил ее в посудомоечную машину. По крайней мере, у него есть несколько хороших привычек. Но он не взял свои ключи, а вернулся к столу.

– Мой первый пациент будет не раньше десяти. Не хочешь немного посидеть вместе?

Она засомневалась. Это необычно. Даже когда у него утром есть свободное время, он обычно проводит его в офисе за бумажной работой. Наверняка он хочет обсудить что-то, и это гарантированно закончится какой-то мелкой ссорой. Но чем быстрее они разберутся с тем, что его беспокоит, тем быстрее она обретет свое блаженное одиночество. Она кивнула, вышла за ним из дома и села на длинный диван.

На их крытой веранде мебель была лучше, чем у большинства людей дома, там была кухня, бар и встроенная стереосистема. Газовые обогреватели по периметру позволяли использовать это пространство до поздней осени, но обычно Фиби сворачивала все уже в октябре, как сейчас. Когда-то это печалило ее, но сейчас она ждет зимы, когда знаменитый чикагский мороз и снег позволят ей отгородиться от мира еще более естественным образом.

Уайатт носил с собой портфель, из-за которого он выглядел скорее как адвокат, чем как человек, который транслирует банальности и аффирмации разведенкам с менопаузой и загнавшимся банкирам, у которых больше не стоит. Приглядевшись, Фиби заметила, что его рубашка выглядит новой и выглаженной, а этот галстук она раньше не видела. Также она обратила внимание на его опрятные волосы, причесанные и аккуратно уложенные каким-то из тех средств, которые она покупала ему раньше и которые обычно оставались неиспользованными. Гладкое, как у младенца, лицо подсказывало, что он брился лезвием, а не электробритвой. По какой-то причине этим утром он хотел выглядеть хорошо, и Фиби это не нравилось.

Он красив в классическом смысле этого слова. Сильная челюсть, темные волосы, глаза с такими густыми ресницами, что кажется, будто он пользуется подводкой. Эти глаза при-

влекли ее с самого начала, когда они встретились пьяными взглядами на вечеринке, посвященной Суперкубку, у одного общего друга в пору учебы в Северо-западном университете. В те дни – почти пятнадцать лет назад, страшно представить – привлекательной внешности было достаточно, чтобы заставить ее сердце биться чаще в присутствии практически любого парня. Но именно сочетание мозга, чувства юмора и озорства, которое было у Уайатта, заставило ее прийти на второе свидание и потом еще на бесчисленное их количество. Теперь оно так далеко – это время быстрого секса в общественных местах, взрывных вечеринок, катания на его стареньком «Митсубиси Эклипс» вдоль Лоуэр Уэкер с косяком в зубах, – что иногда только его глаза напоминают ей, что это все тот же мужчина-бунт против требований Дэниэла Нобла к будущему зятю. Парень из среднего класса, у которого было достаточно ума и амбиций, чтобы поступить в престижный Северо-западный университет, но который так и не прошел весь путь до докторской степени.

– Думаю, настало время обдумать наши следующие шаги, – сказал он, сев напротив нее. Его интонацию было сложно считать, но в голосе слышалась тончайшая вибрация, говорящая, что он нервничает. Она тоже почувствовала ее глубоко внутри, но нужно было признать, что они сильно охладели друг к другу, и это началось задолго до смерти Дэниэла и трагедии, следовавшей за этим.

Фиби сразу подумала об их четырех провальных попытках ЭКО, но она знала, что корнями все уходит еще дальше, к основной причине их свадьбы: неожиданному положительному результату аптечного теста на беременность. Будучи под сильным влиянием романтики и выделяемых при беременности гормонов, она думала об аборте всего тридцать секунд до того момента, пока не бросила эту идею ради кое-чего более светлого: шанса на статус, приличествующий ее фамилии. Красивый муж, прекрасный дом в пригороде и новорожденный малыш, который свяжет это все вместе. Они согласились провести гражданскую церемонию без особой подготовки. Это привело бы в ужас мать Фиби, будь она жива, но Дэниэл, кажется, был рад избежать расходов, особенно учитывая его, мягко говоря, неоднозначное отношение к событию. Он почти не отреагировал на новости о ребенке, но немного смягчился, когда узнал, что это будет мальчик.

К сожалению, мечтам о домашнем блаженстве для дочери, которые питала мать Фиби, не суждено было сбыться. Их сын, Ксавьер Томас Миллер, родился мертвым на двадцать восьмой неделе. Он был похоронен в крошечной могилке, и она так и не собралась с духом сходить туда со дня короткой и тихой церемонии, на которой присутствовала только она и Уайатт.

Несмотря на потерю, у них все было хорошо еще несколько лет. Уайатт получил лицензию консультанта и начал собственную практику. Фиби пыталась работать в компании отца. Они делали все то, чем занимаются пары, не связанные детьми и финансовыми проблемами: путешествия, концерты, временные увлечения, которые быстро отбрасываются, например, навязчивая идея Уайатта варить собственное пиво и более дорогие попытки Фиби коллекционировать современное искусство и фотографировать. Но когда им стало под тридцать, непроговоренный вопрос, стоит ли попытаться заново, зазвучал громче, и Уайатт наконец спросил об этом под карпаччо и коктейли во время празднования восьмой годовщины в их любимом местном итальянском ресторане «У Франчески». Может, вино разогрело ей кровь, а может – мерцание свечей в его глазах, но она согласилась прекратить прием противозачаточных и посмотреть, куда приведет их природа. В итоге природа потерпела неудачу, и дело дошло до ЭКО и четырех безрезультатных попыток.

Болезнь отца позволила ей окончательно спустить все на тормозах. Не то чтобы уход за ним стал ее обязанностью – вокруг него всегда была целая команда сиделок, – но она могла, как минимум, заявить об эмоциональном истощении, и Уайатт уступал. Это отвлечение от провального мероприятия с деторождением стало одним из немногих добрых дел, которые сделал для нее Дэниэл, пусть и непреднамеренно.

Но она все время чувствовала этот перелом: с того момента, как сказала Уайатту, что устала от попыток забеременеть. И сейчас, должно быть, пришел тот день, когда они оба признают, что неплохо провели время, но пора заканчивать с этим парным аттракционом. Почти пятнадцать лет вместе, десять из них в браке – это значительное достижение. Особенно в ее семье.

Она вздохнула.

– Хорошо. Что будем делать?

Он с облегчением открыл портфель.

– Я рад, что ты готова к предложениям. У меня тут есть кое-какие бумаги.

Ой. У него уже есть бумаги? Она была согласна, но все-таки несколько ошарашена тем, насколько далеко он все спланировал. Разве не нужно сначала поговорить?

Ее сердце замерло, когда она увидела стопку разноцветных буклетов, которые он вытащил и положил на стол. Это были не бумаги о разводе, а куча глянцевого листовок с улыбающимися детьми на фоне солнца и радуги, со словами вроде «надежды», «шанса» и «семьи». Они были об усыновлении, этого козыря в рукаве богачек с несговорчивой маткой. Поведение Уайатта перешло от торжественности к мечтательности, а внутри Фиби вспыхнуло пламя. Она была так уверена, что эта дверь не просто закрыта, а прочно заперта на ключ. Но теперь он открытым текстом говорит ей, что не принял ситуацию и не собирается принимать ее. Как можно настолько не понимать друг друга?

– Это лучший вариант для нас, милая. Я уже говорил с их руководителем, она очень хочет с тобой увидеться. С учетом наших обстоятельств, скорее всего, нам дадут новорожденного малыша уже к следующей неделе. – Уайатт заметил отсутствие всякого выражения на лице Фиби и продолжил: – Или, знаешь, мы можем обойтись без всей этой возни с новорожденными и усыновить кого-то постарше. Пропустим фазу подгузников-и-кормления-среди-ночи. Звучит как бонус, да?

Фиби постоянно хотелось приглушить яркое сияние его улыбки.

– Когда ты говоришь про *наши* обстоятельства, ты имеешь в виду мои обстоятельства. Мое имя. Они готовы продать ребенка кому-то из семьи Ноблов. Этого ты добиваешься?

– Дорогая, это все легально и этично. Это не продажа. Но да, если честно, твое имя помогает. Это не стыдно. Нужно использовать свои преимущества.

– Господи! Ты что, не смотришь новости? Вокруг фамилии Ноблов сейчас скандал.

Уайатт терпеливо посмотрел на нее.

– Это не важно. Фамилия Ноблов – это не только твой отец. Это и ты, и следующее поколение. Если подумать, это хороший способ отойти от всей этой жуткой истории.

Ее гнев разгорался. Он не слышит ее, и, очевидно, не слышал ее и раньше, когда она говорила, что устала. Возможно, она выразилась недостаточно четко, что позволило ему считать, что усыновление – жизнеспособная альтернатива. Что вообще есть альтернатива. Ей нужно быть жесткой. Он должен понять, что на этом пути нет ничего живого, она оставила там только выжженную землю.

– Я не хочу, – сказала она.

Уайатт не расстроился. Он будто предвидел такой ответ, репетируя этот разговор – конечно, он репетировал, может, надевая свой хорошенький новый галстук.

– Слушай, я понимаю, что это серьезный шаг, – ответил он. – Мы через многое прошли, особенно в последние годы, и вся эта ситуация с Дэниэлом окончательно выбила тебя из сил. Ты боишься, что твое сердце опять будет разбито, но у тебя прекрасные шансы. Гораздо лучше, чем с ЭКО. Это возможность начать все заново, не только ради нас, но и ради ребенка, которому тоже нужен дом. Не знаю, почему мы не подумали об этом раньше, но мы должны были.

Фиби вздохнула и потерла переносицу.

– Отстань от меня с этими идиотскими продающими фразочками. Я уже ответила. Я не хочу. Я не смогу полюбить такого ребенка.

Его несчастные глаза ягненка только ожесточали сердце Фиби, потому что они смотрели со снисхождением. Они давали понять, что он знает ее чувства даже лучше, чем она. Отец практически всегда смотрел на нее так, даже когда она говорила, что на ужин хочет курицу, а не стейк.

– Ты сможешь, дорогая. Выстраивание привязанности – это всегда долгий процесс, даже для родителей и биологических детей, но ты справишься. Мы справимся. Мы вместе.

Ей сложно было смотреть ему в глаза, когда она собиралась поставить точку. Несмотря на то что она злилась, он был ей все еще не безразличен, и она не хотела быть жестокой. Но иногда срабатывает только боль. Это единственное чувство, которое заставляет людей сосредоточиться на том, что перед ними. Она будет брызнувшим горячим маслом, молотком, упавшим на ногу, скользкой ступенькой на лестнице.

– Завести детей всегда было больше твоей мечтой, чем моей. Я думала, что смогу захотеть этого так же, как ты, но я не забеременела... – *Давай, Фиби, скажи это.* – И для меня это облегчение. Я не из тех женщин, которые всегда хотели стать матерями.

Он изо всех сил старался выглядеть спокойным, но весь побелел и, казалось, не дышал. Тем не менее она была рада, что правда, которую она тайно лелеяла все эти годы, как уродца, которого никто другой бы не полюбил, наконец вышла наружу.

– А Ксавьер? – спросил он. Эти слова зазвенели, как осколки, и только они могли прорваться через стену вокруг нее.

Она сглотнула, утрамбовывая эти воспоминания и для верности накрывая их огромным валуном.

– Он мертв, Уайатт. Что еще сказать?

– Достаточно. Я не позволю тебе так пренебрегать им. – Он беспорядочно собрал буклеты и встал. Потом он остановился и посмотрел на нее с глубоким неодобрением. – Ты думала, о чем мы будем говорить, когда мы вышли сюда?

Она посмотрела на свои колени.

– Неважно.

– Ты думала, я попрошу о разводе, так?

Она пожала плечами, ее запас жесткой честности истощился. Но это тоже был ответ.

Уайатт молча ушел. Но вместо дома он направился по ступенькам вниз к бассейну. После секунды раздумий он выбросил бумаги в воду.

Глава 2

Фиби стояла на крыльце еще долго после отъезда Уайатта, размышляя о грядущих обломках, в которую превратился ее брак. Почему он не мог вместо всего этого принести домой рекламу собачьего питомника? Она бы лучше восприняла идею взять щенка, хотя, вероятно, и попыталась бы убедить его завести кошку – кошки требуют меньше внимания. Но Фиби была совершенно уверена, что ситуацию не спасет даже сотня щенков и котят, не говоря уже о ребенке, даже если она перезвонит ему прямо сейчас и скажет, что передумала. У нее возникло искушение хотя бы попробовать, просто чтобы вернуть крошечную искру надежды, которую она погасила в глазах Уайатта этим утром. Она забеспокоилась – что она увидит в них вечером, когда муж придет домой? Злость? Печаль? Или, хуже того, безразличие?

Но она не позвонит ему, она не передумает. Она все сделала правильно, для разнообразия высказавшись честно. Разве не так? Будь ее мать здесь, она бы тихо покачала головой и сказала, что не так должна поступать Хорошая Жена.

Фраза «Хорошая Жена» всегда звучала как имя собственное, когда ее произносила Кэрол. Большую часть своей юности Фиби внимала матери, которая проповедовала сомнительные истины о любви и браке, и никогда не задавала вопросов. Все они, однако, сводились к простой философии: чтобы быть Хорошей Женой, женщина должна заботиться о своем муже и любить его сильнее, чем она заботится о себе и любит себя.

Это, конечно, не значит, что нужно пренебрегать своим внешним видом. Есть очень длинный список ритуалов красоты, необходимых для того, чтобы Хорошая Жена соответствовала высоким стандартам мужа. Безупречные волосы, макияж и гардероб – обязательно. В случае Кэрол сюда же входил ежедневный прием слабительных и жесткий контроль порций еды для поддержки фигуры. Если бы мать увидела лишние десять фунтов на изящном теле Фиби, ее повседневные футболки и штаны для йоги, ее некрашенное лицо и отросшие корни волос – крику было бы, как в малобюджетном фильме ужасов.

Хорошая Жена всегда знает свое место в семейной иерархии. Оно в самом низу: это идеальное место, чтобы поднять мужа и, обязательно, ребенка высоко над своей головой, никак не выказывая усталости. Если она чувствует, что тонет в дерьме под ногами, она радуется теплу и защищенности мира наверху. Хорошая Жена не мечтала бы раз и навсегда искоренить в муже желание усыновить ребенка после того, как провалились их попытки завести собственного. Она первая стала бы искать эти буклеты и сама удивила бы его этой идеей. Она бы не занималась самокопанием на тему отсутствия материнского инстинкта. Во-первых, Хорошие Жены не занимаются самокопанием. Во-вторых, Хорошие Жены – всегда Хорошие Матери.

Фиби задумалась, как вся эта история с Хорошей Женой работала в жизни Кэрол. Эта женщина всегда была безупречна и в отношении стиля, и в отношении ведения домашних дел. Все всегда было на своих местах. И Фиби, и ее отцу стоило только захотеть чего-то, как Кэрол через мгновение уже исполняла это.

Кэрол была всегда готова позаботиться о своей семье, никаких сомнений, и Фиби никогда не чувствовала недостатка материнской любви и внимания. Но еще она помнила, какой хрупкой она была, как дрожали ее руки, когда она думала, что никто не видит, как она бесконечно курила, видимо, пытаясь еще и так оградить себя от лишних калорий. Она пила. И несмотря на все свои попытки, она смогла родить только одного ребенка, пока проблемы с сердцем из-за всех этих сигарет, жутких диет и тщательно скрываемых стрессов не загнали ее в могилу раньше времени. Так что нет. Стремление быть Хорошей Женой не пошло Кэрол на пользу. Вообще-то оно убило ее. И не ее одну.

Отец женился еще трижды после Кэрол. Они не были злыми мачехами. Все были добрыми и красивыми, уважительно относились к Фиби, желали осчастливить ее отца, по крайней

мере сначала. К сожалению, первая жена после Кэрл, Хелен, умерла через шесть месяцев. Дэниэл сказал, что это был инсульт, но он заблуждался, думая, что Фиби не в курсе того, что Хелен употребляла амфетамины и добивала их водкой. Через год была Ава, и она разбилась на машине накануне их второй годовщины. Кирстин, последняя жена, не умерла, но спустя три месяца добилась признания брака недействительным, и о ней ничего не было слышно, хотя, когда Фиби вбила ее имя на Facebook несколько лет назад, оказалось, что она работает экскурсоводом в Италии и выглядит совершенно счастливой. Фиби больше всего понравилась Кирстин. Ее храбрость дала ей иммунитет к смертельной колыбельной Хорошей Жены. Фиби было интересно, что она думает о скандале вокруг покойного бывшего мужа и чувствует ли она холодок от пули, выпущенной много лет назад.

Когда Фиби выходила замуж, она была настроена делать все иначе и отказывалась верить, что, если пожертвовать частью себя большому сильному мужчине, каким-то образом можно завоевать мир. Ее приоритетом была независимость, как финансовая, так и личная. Благодаря тому, что Уайатт вырос в более скромных условиях, он был приучен зарабатывать себе на хлеб, хорошо справлялся со своей индивидуальной практикой и ни разу не обращался к ней за деньгами. Фиби была рада самостоятельно оплачивать все развлечения. Путешествия, машины, шопинг, дом, красивая одежда. В конце концов, это был брак, а не бизнес-соглашение. Отец всегда считал, что долго это не продлится, особенно после смерти Ксавьера, но Фиби была только рада снова обмануть ожидания старика.

С Уайаттом было легко. Добродушие отличало его от альфа-самцов ее социального круга, и даже сама Фиби удивилась, что этого было достаточно, чтобы вызвать ее привязанность. Добродушие – и еще надежность, в которой он ни разу не заставил ее усомниться. Из-за этого жизнь с ним была комфортной, как пара любимых поношенных тапочек. К сожалению, это добродушие также делало ее слишком мягкой и мешало прислушиваться к своему внутреннему голосу, когда снова возникал вопрос о детях. Тут она становилась похожей на Кэрл.

Фиби пошла на кухню за бутылкой вина и отнесла ее, вместе с бокалом, на террасу. Было еще далеко до обычного времени, когда она вскрывала пробку, но обстоятельства оправдывали нарушение этого правила. Буклеты все еще плавали по бассейну – очевидно, он рассчитывал, что она их выловит. Она это сделает, но только чтобы потом поплавать. Со двора соседнего дома она слышала, как дети плещутся в своем бассейне и играют в Марко Поло. Тошнотворная монотонность их голосов, повторяющих одни и те же слова, убеждала ее в собственной правоте.

Она не встанет и не уйдет от этого шума. Достаточно мысли о том, что она может уйти в любой момент. В отличие от людей, которые вынуждены раздумывать о малейших налоговых вычетах, она свободна в своих действиях. Прямо сейчас она может поехать на педикюр или на массаж всего тела. Она может засесть за фильмы и посмотреть что-нибудь с меткой 18+, не деля ни с кем попкорн и подлокотники. Она может даже уложить чемоданы и уехать на месяц в незапланированное путешествие в любую точку мира, только иногда проверяя почту.

Конечно, она не будет этого делать. Свобода – это выбор не делать что-то в той же степени, как и выбор сделать это. Все необходимое у нее есть здесь. Кроме того, если она уедет надолго, человек в синей машине может, например, вломиться в дом и украсть что-то или поставить вокруг дома кучу камер и микрофонов.

Фиби задержалась на этой мысли о свободе и ее последствиях, прежде чем сделать большой глоток вина.

Интерлюдия

Каждое утро незадолго до того, как твой муж уйдет на работу, я жду момента, когда жалюзи на окне рядом с дверью качнутся и ты кинешь на улицу быстрый взгляд. Ты никогда не обманываешь мои ожидания. Это код, обозначающий начало нашего ежедневного ритуала. Это подтверждение: ты знаешь, что я никакой не курьер, и тебе любопытно, но, может, не настолько любопытно, чтобы выйти сюда и поговорить со мной или послать копов проверить мои документы. Ты задаешься вопросом, говорил ли обо мне еще кто-то с этой улицы – нет, не говорил. И, наверное, причина не только в том, что моя маскировка делает свое дело. Скорее всего, все думают, что кто-то другой уже проверил меня. Как это там называется, когда ты можешь просто убить кого-то при куче очевидцев, и никто не вызовет копов? Эффект свидетеля, кажется. Это, конечно, не убийство в парке, все не так ужасно, но ты понимаешь, о чем я.

Что-то подсказывает мне, что ты совсем не безразлична к этой ситуации. Думаю, тебя это может забавлять. Конечно, принимая во внимание новости о недавно почившем Дэниэле Нобле, у тебя есть все основания считать, что кто-то наблюдает за тобой. Кто бы мог предположить, что на протяжении всей своей карьеры, длившейся сорок лет – с процентами от недвижимости, венчурным капиталом и экзотическими машинами, – он постоянно запускал свои жадные руки под юбки несовершеннолетних девушек, каждая из которых теперь жаждет поделиться всеми неблагоприятными подробностями? С такой бомбой тебе еще повезло, что журналисты не разбили лагерь на газоне перед твоим домом. Может, они так себя ведут только с магнатами индустрии развлечений. В любом случае, хорошо, что здесь тихо. Так лучше для моего дела.

Мне доставляет настоящее удовольствие это ритуальное общение по утрам, но я понимаю, что наше небольшое танго не начинается по-настоящему, пока твой муж не уедет. Потом я наблюдаю, как жалюзи периодически дергаются все утро, пока ты занята своей ежедневной рутиной – рутиной, которая редко выводит тебя на улицу, где на тебя можно было бы посмотреть, хотя я точно знаю, что ты выбираешься из дома раз или два в неделю. Даже отшельнице приходится выходить за продуктами, мне думается. Ты могла бы заказать их на дом, но, может, ты старомодна. Может, выходить из дома несколько раз в неделю и покупать мороженое с печеньем и каберне-совиньон, которые ты так любишь, – это твоя единственная возможность чувствовать себя нормальной. Да, я знаю, что ты покупаешь. Откуда знаю? Это не так жутко, как ты можешь подумать. Жутко на самом деле, сколько ты ешь. Серьезно – тебе стоило бы есть поменьше. Если сравнить с твоими старыми фотографиями в Сети, сейчас ты слегка обросла жирком. Не осуждаю. Просто это беспокоит. Я о тебе забочусь.

Глава 3

Фиби разбудил звонок в дверь. Она заснула, сидя с полным бокалом вина, судя по красному пятну на коленях и сильному запаху каберне. Она была не в состоянии спросить, кто там, но это могла быть доставка или даже флорист. Это был бы не первый раз, когда Уайетт присылает цветы после ссоры. Она взяла одну из пляжных накидок, висящих на стуле рядом, и прикрыла пятно на шортах, но с запахом мало что можно было сделать.

Одна мысль пронзала ее ужасом, пока она шла к двери. Что, если это человек из синей машины? Такая перспектива почти ее остановила, но она отмахнулась от нее. Может, она с каждым днем все больше становится жертвой отшельнической жизни, но она перестанет подходить к двери как нормальный член общества не раньше, чем попросит у Уайатта направление к кому-то из его коллег.

Фиби посмотрела в глазок и увидела не женщину в синей рубашке «Экзекутив Курьер Сервисес» – на самом деле, кажется, машина уехала до завтрашнего утра, – а молодого человека в зеленой майке и пляжных шортах. Когда она открыла дверь и увидела его в полный рост, она просто разинула рот. Он соответствовал всем стереотипам знойного парня. Лохматые волосы темно-песочного цвета, голубые глаза, худое тело, загар, легкая небритость на лице, которая почти казалась нарисованной. Шлепки на ногах, веревочный браслет на запястье... Единственное, чего не хватало – гитары и костра на пляже, где он пел бы ей серенады Джека Джонсона. У нее немного перехватило дыхание, будто она слишком быстро взбежала по лестнице. Единственным, что охлаждало эту сиюминутную страсть, был факт, что она вдвое старше его. И что сейчас она пахнет, как алкоголичка.

– Да? – спросила она.

– Привет. Эм... – он указал на дом через дорогу. Перед ним был припаркован небольшой грузовик с прицепом, в котором стоял маленький внедорожник. Темноволосый мужчина шагал взад-вперед возле него и рычал в свой телефон. Фиби не различала слов, но ей бы не хотелось быть на другом конце провода. – Мы переезжаем в дом напротив, но мой отец не может найти ключей, которые, как он клянется, были все время у него. У вас, случайно, не найдется лишних?

Фиби хмуро взглянула на дом и заметила, что он выглядит немного заброшенным. Лужайка не покосена, клумба в сорняках, деревья не пострижены. Наверное, им не занимались уже очень долго, может, пару недель, и все уже начинало сыпаться.

– Я даже не заметила, что этот дом продают.

Она пожала плечами, натянув улыбку.

– Ну, он пустой, и мы в него въезжаем, так что, очевидно, продавали.

Фиби помнила бывших жильцов – кажется, примерно возраста ее отца – и сутулую болезненную походку жены, ходившей к почтовому ящику и обратно. К сожалению, это все, что она на самом деле знала про них. Не помнила даже имен. Печально. Может, один из них умер, и торги прошли без лишнего шума.

– С новосельем.

– Спасибо.

– Простите, у меня нет ключа. Я только мельком видела их. Люди здесь держатся как-то сами по себе. – Было желание добавить: *«На самом деле, мальчик, это самый длинный разговор, что у меня был с соседями за раз»*.

Он немного опустил голову и взглянул через плечо на кричащего отца.

– Как вы понимаете, я точно не хочу возвращаться к нему с плохими новостями.

Фиби подумала, что ее ничуть не смутит, если он захочет побыть у нее. Это лучшее развлечение за последние месяцы.

– Тогда можем познакомиться. Я Фиби Миллер.

Он уставился на нее на секунду. Может, он был не уверен, что ему хочется взаимодействовать с человеком, который пахнет, как винная бочка. Могла ли она осуждать его? Он улыбнулся, протягивая руку.

– Я Джейк Нейпир.

– Сильное рукопожатие, Джейк. – Кошмар. Она звучала как плохая актриса во вступительной сцене дешевого порно. Сложно поверить, что когда-то давно она умела разговаривать с мужчинами. – Твой отец выглядит немного сердитым.

Он смутился и покраснел.

– Да, тяжелая была дорога. Его зовут Рон. Маму – Вики. Она за рулем другой нашей машины, но она застряла в пробке где-то в часе езды отсюда. Я рад, что они ехали не вместе. Иначе, наверное, где-то посреди Юты разыгралась бы сцена придорожного убийства.

– Эх. Переезд – это ужасно, – ответила она. Будто бы она знает. Она переезжала всего однажды, сюда – из дома отца в пятнадцати с небольшим милях. Нанятая служба занималась всем, даже распаковкой. Ей, как отдающей распоряжения принцессе, оставалось только показывать, куда и что нужно поставить. Нейпиры, кажется, были из категории «сделай сам», хотя, понятно, деньги у них есть. Должны быть, раз они поселились здесь.

– Да, это всегда как американские горки, – сказал Джейк.

– Откуда вы?

– Из Лос-Анджелеса. Но мои родители на самом деле из этих мест.

– А, значит, они вернулись домой. А что за повод?

– Отец устроился на работу здесь в больнице. Он врач. Но я здесь буду только пару месяцев. Осенью у меня начинается учеба в Стэнфорде.

Было сложно не заметить нотку облегчения в его голосе, и это было понятно. Последнее, чего хочет ребенок его возраста, – это собраться и уехать на другой конец страны с родителями. По крайней мере, скоро он сможет сбежать.

– О, мои поздравления. Поступление в университет – это важный рубеж.

– И мне исполнилось восемнадцать по пути сюда. Много рубежей.

Она рефлекторно делала в голове вычисления, и ей было тошно от самой себя. Он не вдвое младше – а меньше чем на десять лет, но и это вполтину больше той разницы, при которой могли бы сохраняться какие-то приличия. *По крайней мере, он совершеннолетний*, – подумала она. – *Это говорит в твою пользу, да?*

– Даже если ты скоро снова уедешь на запад, ты ведь все равно будешь приезжать на каникулы? Бери с собой теплую куртку. У нас здесь настоящая зима.

– Я слышал об этом.

– Значит, Стэнфорд, да? Дай угадаю. Философия, политология, медицина?

Он мило засмеялся.

– Три промаха. Я еду на юридический. Хочу быть адвокатом по уголовным делам.

– Юридический был моим четвертым предположением. Грустно за очередное молодое сердце, которое скоро будет раздавлено под тяжестью американской правовой системы.

– Наверное, у вас есть опыт в этой области, – ответил он.

– Нет, я много смотрю «Закон и порядок».

Они улыбнулись друг другу, и Фиби захотела пригласить его в дом, чтобы тщательнее поискать запасной ключ, которого, как она знала, у нее нет, но его отец завопил с той стороны улицы: «Джейк, нужна твоя помощь!»

Джейк повернулся и махнул ему.

– Кажется, мне надо идти.

Он немного задержался, будто не хотел уходить. Она не была уверена, потому ли это, что ему приятна ее компания, или потому, что он не хочет возвращаться к отцу.

– Может, получится взять ключ в доме на углу, – она показала налево. – Их имен я тоже не знаю, но я уверена, что они больше общались с бывшими владельцами.

– Вы не знаете никого из этих людей, да?

– Ну, теперь я знаю тебя, правда?

Он сверкнул блестящей улыбкой калифорнийского серфера, которая заставила ее сердце трепетать.

– Так и есть. Пойду спрошу у них.

– Удачи. Увидимся, Джейк.

– Окей. Хорошо. До свидания, мисс Миллер.

Ох, его хорошие манеры заставили ее почувствовать себя его тещей.

– Пожалуйста, называй меня Фиби, – сказала она.

– Без проблем. До скорого – Фиби.

Она смотрела, как он идет, наслаждаясь его широкими уверенными шагами и крепкой округлостью его плеч. Не сказать, что он накачан, но он и не тощий, как многие ребята его возраста. Что-то в нем есть, подозревала она: внутри, как и снаружи. Она закрыла дверь до того, как кто-то заметит ее взгляд, но в животе у нее было то самое ощущение, как в былые времена, когда у нее назревали новые отношения. Он будет жить всего в паре сотен футов от ее двери, по крайней мере некоторое время. Это могло бы быть интересно, если бы она захотела. Может, даже немного опасно.

– Эй, пантера, ему едва исполнилось восемнадцать, – выпалила она в пустоту. Здравомыслящая ее сторона, без предупреждения взявшая слово, должна была подавить ее фантазии прежде, чем те пустят корни. Она с трудом взобралась наверх, чтобы помыться. К тому моменту, как она приняла душ и надела мягкие чистые легинсы, она почувствовала, что снова чуть больше похожа на себя, и ей это было ненавистно.

Интерлюдия

Наблюдать за тобой – не единственное мое хобби. Наверное, можно сказать, что я коллекционер, и это звучит совершенно нормально, если не уточнять одну небольшую деталь: я пробираюсь к людям в дома, чтобы забрать новый предмет для своей коллекции. В основном меня интересуют просто мелочи и безделушки – статуэтки, этикетки от дорогих бутылок вина или ликера, кисточка от занавески – вещи, которых никто не хватится, хотя иногда я краду пару секретов, если их можно найти. Эти секреты всегда чуть интереснее в модных кварталах, как этот. Наверное, потому, что все кажется более лицемерным и неожиданным. В богатых домах периодически встречаются БДСМ-комнаты, но это – пятьдесят оттенков неувиденного, как и впечатляющие запасы наркотиков. Детская порнография тоже удручающе распространена. В таких случаях я не прочь оставить какой-нибудь разоблаченный тайник открытым, чтобы заставить их сходить с ума, каждую ночь гадая, кто же знает их грязную правду.

Я пробираюсь в дома уже так давно, что это кажется мне нормальным. Скучающий ребенок, растущий в захолустьях Индианы, сделает что угодно, чтобы немного развлечься, а у меня не было видеоигр, компьютера, даже кабельного ТВ, поэтому у меня вошло в привычку наблюдать за людьми. В итоге получилось даже подрабатывать, делая работу по дому: можно было пользоваться их ванной и проверять аптечку. Обычное дело. Потом, если на горизонте было чисто, можно было пробраться к их комоду или кладовке. Мне нужно было знать, живут ли они так же, как я – маленькая грязная девочка с фермы, мать которой до сих пор пришивала заплатки на джинсы и штопала носки, как в былые дни. Спустя некоторое время я перестала искать поводов для приглашения и дожидалась, пока хозяев не было дома. И вот я здесь, в одном из самых богатых пригородов страны. Я горжусь, что уже исследовала значительную часть домов здесь. Но твой нет.

Пока нет.

Мы встречались несколько раз, но ты, наверное, не помнишь. Мне удалось устроиться на неполный рабочий день в местный продуктовый магазин в миле от твоего дома в надежде, что ты будешь заходить туда – и снова ты не разочаровала меня. В самом деле, ты пару раз проходила через мою кассу, и так я узнала о твоей любви к вину и мороженому «Бен энд Джеррис». Ты не останавливала на мне взгляд, и это хорошо. Я бы беспокоилась, что ты увидишь нечто знакомое в моем лице и задашь вопрос, который люди всегда задают, когда не могут толком объяснить свои ощущения: «Мы где-то встречались?» Я репетировала все возможные ответы: но ни один из них не кажется мне подходящим.

Если бы ты все это слышала, ты бы подумала, что я сижу здесь, ожидая возможности проникнуть в твой дом и добавить часть твоей жизни в свою коллекцию. Что касается тебя, все не так просто – я хочу не часть твоей жизни. Скоро ты узнаешь, зачем я здесь. А пока я буду наблюдать за тем, как предательски дергаются жалюзи, давая мне понять, что ты здесь и ты видишь меня. Мне никогда не приходится ждать долго.

Глава 4

Фиби так засмотрелась в свою чашку с кофе, пытаясь отыскать свои мысли в завитках сливок, что не услышала Уайатта с первого раза.

– М-м-м?

– Сегодня мне не нужно в офис, – повторил он.

– А, – она ничего не могла поделать с разочарованием в голосе. Его было все сложнее скрывать. – Что случилось?

– Отменился доклад на конференции по тревожности, который я планировал посетить в городе. Нет смысла ехать, и я расчистил сегодняшний график. Так что я свободный человек.

– Поздравляю. Что собираешься делать сегодня?

Он ответил не сразу, как бы задумавшись. Фиби взяла свой телефон и начала листать утренние заголовки, надеясь, что он решит поиграть в гольф или взяться за бизнес-задачи, которые он откладывал. Но он сказал то, что она хотела услышать сегодня меньше всего:

– Давай займемся чем-нибудь веселым.

Она подняла глаза от телефона, надеясь, что ее раздражение не настолько отражается на лице, насколько ощущается внутри. Почему ему нужно связывать свой выходной с ней?

– Например? – спросила она.

– Можно поехать в город на поезде, пообедать, походить по магазинам. Мы не выбирались целую вечность.

Что-то в ней смягчилось. По крайней мере, он пытается, чего нельзя было сказать о ней после ссоры пару дней назад, о которой она думала с сильным раздражением. Она ни слова не сказала на эту тему, но ждала, когда ссора возобновится с того же места. Уайатт же, казалось, был настроен двигаться дальше.

Но это не работало. Несмотря на его попытки пойти на контакт, она чувствовала презрение, кипящее прямо под его мирным обличьем. Изысканный обед и трата денег на очередные ненужные вещи ничего с этим не сделают. Уайатт всю неделю советует клиентам, что делать с дисфункциональным мышлением. Почему он не видит его у себя? Отрицание – такой слабый клей.

– Я никуда не хочу сегодня, – сказала она.

– Ну же, милая. Вылезай из этой трясины. Иногда нужно заставлять себя делать то, что не хочется.

– Зачем? Это не трясина, если меня все устраивает. В любом случае, мне нужно сделать кое-что здесь.

– Что? Постоянно думать о машине на улице, которая не имеет к тебе никакого отношения? Работать над своей книгой? – На его лице не было сарказма, но он прямо читался. Пару лет назад она сказала ему, что хочет попробовать себя в писательстве. Ей удалось набросать пару глав, пока она не потеряла интерес, но она делала вид, что пишет, еще очень долго. Занятость Фиби в каком-то проекте, казалось, снова заставляла мужа уважать ее. Еще об этом можно было рассказывать людям во время ее нечастых выходов в общество. Она была не избалованной апатичной принцессой, а подающей надежды писательницей. Все это стало выглядеть неубедительным, как только она поняла, что должна будет в итоге выдать книгу. Уайатт, видимо, почувствовал это, потому что перестал спрашивать о ней, по крайней мере до настоящего момента. Его благовидная маска спадает. Хорошо. Пускай. Лучше соприкоснуться с самым отвратительным в нем, чем наблюдать за его попытками вести себя так, будто все в порядке.

– Чем я здесь занимаюсь – вообще не твое дело. Я никогда не пристаю к тебе с этим, так? Когда ты говоришь, что не хочешь чего-то, я не принуждаю тебя.

– Если ты забыла, мы *женаты*, Фиби! Женатые люди проводят время вместе. Если ты хотела просто соседа по комнате, который предоставит тебя себе самой, почему ты не сказала об этом десять лет назад?

– Десять лет назад ты был значительно менее надоедливым.

– О, прекрасно. – Он встал. – Давай я просто задам очевидный вопрос, раз это явно у тебя на уме, но ты чертова трусиха и не можешь произнести это. Ты хочешь развестись?

Здесь она должна была сказать ему «да». Их брак исчерпал себя. Время раздать утешительные призы и двигаться дальше. Процесс не должен быть слишком сложным. Они были умными. Он подписал брачный контракт. Она будет платить ему алименты, но он не кажется настолько мстительным, чтобы требовать больше, и она в любом случае сомневалась, что ей придется платить ему слишком долго. У Уайатта не должно быть проблем с тем, чтобы найти Хорошую Жену, которая нарожает ему десять детей.

Ее сдерживает не логистика. Фиби боялась, что с уходом Уайатта она совершенно потеряет себя. В последнее время она слишком полюбила вкус вина. Большая часть ее семьи мертва или находится настолько далеко, что ничего для нее не значит. Они являются ей в виде ежегодных рождественских открыток, и на самом деле это просто держатели долей семейного фонда. Когда она однажды отдаст концы, они, как стервятники, слетятся, чтобы обглодать ее скелет, вспоминая ее лучшие качества, о которых они смогут только врать или предполагать. Она использовала деньги своего отца, чтобы построить пустое оправдание своей жизни. Ничто не могло показать это столь ясно, как пребывание в полном одиночестве, целый день, ежедневно. *Конечно, еще и поэтому люди заводят детей.* Она поймала себя на том, что в ее голове зазвучал незванный голос матери.

– Если ты хочешь уйти, я не буду держать тебя. Но... Я не хочу, чтобы ты уходил.

Он вздохнул и потер руками свое изможденное лицо.

– Окей. Это хорошо, да? С этим можно работать.

– Это не возвращает детей на повестку дня. Этот поезд ушел. Если ты можешь сказать мне, что принимаешь это, мы можем двигаться вперед.

Он стиснул зубы.

– Ты можешь по крайней мере сказать мне, почему ты так категорична на этот счет? Это правда все, чего ты хочешь от жизни? Большой пустой дом. Никакого наполнения. Никакой глубины. Никакой работы. Просто... ты. И твой маленький воображаемый друг в машине на улице, наверное.

Она вздохнула.

– Не думаю, что могу объяснить это так, чтобы тебя это удовлетворило, как и ты не можешь объяснить, почему ты так сильно хочешь детей, так, чтобы это удовлетворило меня.

– Конечно, я могу объяснить, почему я хочу детей! Это естественный человеческий инстинкт – хотеть любить кого-то или что-то, кроме себя, внести какой-то значимый вклад в мир.

– Я уверена, что мама Гитлера чувствовала то же самое. Но посмотри, что она дала миру.

Сначала его лицо вытянулось в скептической мине, но скоро смягчилось, намекая на понимание.

– Это из-за твоего отца, да? Ты почему-то думаешь, что ребенок, которого ты вырастишь, станет как он или хуже?

– Я не просила анализировать меня, Уайатт.

– Я не анализирую. Но скажи, что я по крайней мере близок.

– Дэниэл никогда не любил детей. Ребенок для него был приставучей, грязной, шумной неприятностью, которую лучше оставить на попечение кому-то другому.

Уайатт покачал головой.

– Он явно заботился о тебе достаточно, чтобы оставить тебе большую часть своих денег.

Она пожала плечами.

– Думаю, я больше нравилась ему взрослой. Нелюбовь к детям – единственная вещь, которая объединяет меня с этим человеком.

Она невольно вздрогнула от того, как холодно эти слова прозвучали вне ее головы. Действительно ли это так? Хотя она не была заинтересована в материнстве, она могла бы поспорить, что, если бы Ксавьер или кто-то из потерянных эмбрионов выжил, она бы относилась к нему лучше, чем Дэниэл когда-либо относился к ней. Но это все же мало о чем говорит, и Уайатту не нужно слышать ничего, что может поддержать его надежды.

Уайатт уставился на нее.

– И все? Ты просто... не любишь детей?

– Ты так говоришь, будто этого не достаточно.

– Большинство людей не любят чужих детей, Фиби. Но любят своих.

Она покачала головой.

– У меня это было не так. Это было испытание – расти с человеком, который ненавидит детей. Так жить не весело. Я не хочу устроить такое кому-то еще.

– Послушай, эта эмпатия, которую ты проявляешь к ребенку, который даже не существует, говорит о том, что мы можем над этим работать.

Последние капли ее терпения иссякли.

– Или о том, что ты мог бы проявить уважение к моим решениям и перестать думать, что их нужно исправлять. Ты представляешь, насколько это оскорбительно?

Легкий укол чего-то, похожего на ненависть, пронзил его взгляд.

– И это все, да? Конец дискуссии. Как хочет Фиби или вообще, к чертям, никак?

– Ты должен быть благодарен, что я честна на этот счет. Люди, не любящие детей, – последние, кто должен их заводить.

– Хорошо, если мы говорим об условиях, может, у меня тоже есть одно. Если не хочешь заботиться о ребенке, можешь по крайней мере перестать вести себя как ребенок и позаботиться о себе. Попробуй сходить в душ и переодеться хоть иногда. На тебя смотреть тошно.

Она изумленно посмотрела на него. Он никогда так критично не высказывался на ее счет. Не просто критично. Зло. Это сползает его маска или он примеряет новую? Она ей не нравится. А больше всего ей не нравится, что его слова впиваются ей под кожу, как шипы. Одно дело видеть свое отражение в зеркале, другое – когда кто-то держит его перед тобой. Ее глаза горели, ее выворачивало, но она не собиралась выдавать даже легкого волнения. Она много практиковалась. Быть дочерью Дэниэла Нобла – это всегда держать лицо, и он умер не так давно, чтобы она разучилась этому.

Она подарила Уайатту холодную усмешку и подняла чашку кофе, чтобы сделать глоток.

– Я приму это к рассмотрению, доктор, – сказала она своим холодным и ровным голосом. – Хотя постой, ты не можешь быть доктором, не закончив докторантуру.

Это был удар ниже пояса, учитывая, что он вылетел из магистратуры после того, как они потеряли Ксавьера, и, хотя он в итоге восстановился, он так и не собрался с силами, чтобы поступить в докторантуру. Но сейчас они целились в слабые места друг друга, и она не могла отрицать, что нанести ответный удар было приятно, пусть и на секунду. Его лицо налилось ярко-алым цветом, а руки крепко сжались в кулаки с торчащими белыми суставами пальцев. На мгновение Фиби приготовилась к обострению и пожалела, что ей нечем защититься, если он решит наброситься на нее, кроме как кружкой остывшего кофе. Даже ногти были слишком изгрызены, чтобы на что-то сгодиться. Но за все годы, что она знала Уайатта, он никогда не проявлял жестокости. Это просто не свойственно ему.

Но это свойственно всем, напомнила она себе. Все, что работает, в конце концов ломается. Так говорил ее отец.

Где-то посреди шторма, закипавшего в его сознании, Уайатт снова обрел покой. Он немного откинулся назад, расслабил руки и удалился в сторону своего кабинета. Несколько секунд спустя с грохотом захлопнулась дверь. Жирная точка в конце отвратительного абзаца. Глубоко и прерывисто выдохнув, Фиби встала, подошла к переднему окну и бросила взгляд сквозь жалюзи, ожидая увидеть своего спутника – синюю машину – там же, где она была час назад, но она уехала, и Фиби никогда не чувствовала себя более одинокой, чем сейчас.

Секунду спустя открылась дверь гаража в доме Нейпиров, и из нее вышел Джейк в черном облегающем беговом костюме и с белыми наушниками. Он остановил долгий взгляд на ее доме, и Фиби показалось, что он смотрит прямо на нее. Легкое волнение перешло во внутренний крик. *Смотри в другую сторону! Не дай ему подумать, что ты шпионишь!* Но быстро пришедшая мысль оборвала этот голос, оставив после себя теплый щекочущий гул: а не шпионит ли и он за ней? Через мгновение он отвернулся, чтобы потянуть свои ноги, и широкими шагами убежал вверх по улице.

– Я иду в офис.

Фиби испугалась и повернулась, увидев Уайатта одетым на работу. Его глаза были красными и влажными. Он плачет, только когда особенно злится, будто слезы помогают ему смыть свой гнев. Было облегчением видеть его глаза после того, что почти случилось минуту назад.

– Окей. Хорошего дня.

Ее доброжелательный тон плохо сочетался с напряжением между ними и заставил обоих вздрогнуть, но ее мысли были сейчас где-то в другом месте. Идея начала приобретать форму. Очень плохая идея.

Он ушел, и оставшаяся после него тишина, обычно такая успокаивающая, неожиданно оказалась раздражающей и душной. Вид Джейка на пробежке открыл что-то внутри нее. Его легкие шаги являли саму сущность свободы. Фиби хотела этого. Не бегать, а двигаться, несмотря ни на что. Она вспоминала время, когда она могла двигаться по жизни так, налегке.

Она никогда раньше не изменяла мужу. Были возможности, особенно в их первые годы, когда они оба больше бывали в обществе, но она никогда не позволяла себе ничего серьезнее легкого флирта. Но то, что она чувствует сейчас, не связано с сексом или даже флиртом. Она просто хочет быть с кем-то свежим и новым, даже если это значит просто сказать «привет» и понаблюдать, сохранилась ли химия с того дня. Интерес со стороны кого-то вроде Джейка может вдохновить ее посмотреть, что еще есть за порогом.

Но если она выйдет на улицу, просто чтобы поговорить с Джейком, его родители наверняка будут не в восторге. Фиби знала, как обойти эту проблему. Это потребует чуть больше усилий и смелости, но слова Уайатта этим утром встряхнули ее, разбудили ее от тихой комы. Также она знала, насколько мимолетным может быть это чувство, поэтому, если она собирается что-то сделать, нужно действовать сейчас.

* * *

На кухне она включила радио. Взвешивая и смешивая ингредиенты, она поймала себя на том, что подпевает музыке. Через полчаса кухня пахла карамелью и ягодами, а дюжина ее фирменных огромных ягодных маффинов остывала на полке. Готовка была единственным по-настоящему закрепившимся уроком жизни, которому научила ее мать. Конечно, Кэрол учила Фиби в надежде, что она однажды впечатлит мужчину, и здесь, она полагала, был достигнут успех. Уайатт всегда любил, как она готовит. Но помогало и то, что ей это нравилось.

Обнаружив у себя еще много сил на выполнение плана, Фиби бросилась наверх и приняла ванну, брея и отчищая каждую часть тела, как если бы она готовилась к свиданию с продолжением, хотя ничего такого и не будет. Но она вспомнила другую давно забытую материнскую мудрость относительно Хорошей Жены: ты чувствуешь себя так, как ты выглядишь. Может,

Кэрол что-то в этом понимала, потому что Фиби отлично чувствовала себя сейчас. Но Уайатту не достанется слишком много. Она делает это не для него.

Закутав тело и волосы в толстые полотенца, она направилась к гардеробу и начала сложный процесс подбора нужной одежды. Если она наденет платье, это может показаться перебором или произвести впечатление вычурной домохозяйки из пятидесятых. Но все же ей хотелось показать свои лучшие активы и скрыть ненужное, поэтому платье было самой выгодной ставкой. Она достигла баланса, выбрав мягкое розовое платье, затягивающееся на талии и свободно спадающее на колени. Добавив к этому пару босоножек и бежевый педикюр, она придала изящности повседневной одежде.

Спустя час она снова прошла перед зеркалом, полностью одетая, легко и чувственно накрашенная. Ее золотые волосы спадали на плечи, и после секундного раздумья она решила собрать их. Ей нужно было что-то «быстрое, но все же роскошное», и ничто не подходило лучше, чем небрежный хвост. И это скроет, что она давно не стриглась.

Фиби все еще не была вполне удовлетворена своим видом, рассматривая свой растущий живот и думая, не выглядит ли она беременной. Но если она сядет на велотренажер, она растеряет последнюю уверенность, снова натянет легинсы и, наверное, сама съест все эти маффины. Она покачала головой. Не сейчас. Спустившись, она положила маффины в контейнер, который она собиралась оставить там. Одолженная посуда – идеальный способ обеспечить будущие встречи. Может, Джейк будет хорошим мальчиком и сам вернет его.

Прежде чем выйти на улицу, она посмотрела, не появилась ли снова синяя машина. Улица все еще была пуста.

– Пожалуйста, не приезжай, кем бы ты ни был, – пробормотала она.

Это было как никогда похоже на молитву.

Глава 5

Дом Нейпиров выглядел тихим и темным, будто он все еще пустовал. Возможно, встал только Джейк, а его родители были слишком измотаны долгим переездом через всю страну и распаковкой вещей. Полоса асфальта между их домами вдруг показалась широким проливом, и впервые после ухода Уайатта Фиби почувствовала, что у нее сдают нервы. Открылась передняя дверь, на улицу вышла миловидная миниатюрная женщина в черной майке и джинсовых шортах и села на верхнюю ступеньку крыльца. Красная бандана покрывала большую часть ее темно-каштановых волос, не давая им падать на лицо – видимо, она протирала пыль, отмывала полы и разбирала коробки. Она могла быть нанятой уборщицей, но это маловероятно, учитывая ранний час. Фиби была уверена, что это мать Джейка, Вики.

Кинув вороватый взгляд через плечо, женщина достала пачку сигарет и зажигалку из бюстгальтера и закурила. Фиби подняла бровь. Она не думала, что кто-то еще курит настоящие сигареты, особенно жены врачей.

Она сделала глубокий вдох и направилась к крыльцу, собирая все силы, чтобы выглядеть открытой общительной девушкой, которой она когда-то была или по крайней мере пыталась быть. Вики подняла взгляд и увидела ее, а поджилки Фиби затряслись, как рельсы перед приближающимся поездом. Еще ее слегка затошнило, но, уже подходя, она сделала над собой последнее волевое усилие, чтобы играть роль до конца, и натянула самую яркую улыбку.

– Привет! Я живу напротив, хотела познакомиться. Надеюсь, вам сейчас удобно.

Она говорит не слишком быстро? Она не слишком навязчива? Она потеряла чувство меры в таких вещах. Это как пытаться управлять самолетом, не зная, где горизонт.

Женщина быстро потушила сигарету о дорожку и положила окурочек в пачку, прежде чем встать. Фиби заметила у нее на руке темно-фиолетовый синяк, переходящий в желтый по краям.

– Вполне удобно. Я сама собиралась прийти познакомиться, и я знаю, что вы уже встречались с моим сыном, но я тушу здесь один пожар за другим. Вы Фиби, верно?

Значит, Джейк уже говорил про нее. Конечно, его отец уже знал о том, что он заходил, но у Фиби внутри все равно все запылало.

– Да! А вы, вероятно, Вики.

– Да, это я. Хозяйка этого дома, хотя выгляжу скорее как домработница, которую мне хотелось бы иметь.

Под ее глазами были мешки и синяки, явные признаки переутомления. Почему она не позовет кого-нибудь помочь ей?

– Не хочу лезть, но я подумала, что, если ваша кухня еще не собрана, вы будете не против чего-то домашнего к завтраку.

Фиби протянула контейнер с маффинами.

– Боже мой, спасибо. Весь этот фастфуд, пицца и китайская еда уже сводят с ума. Я уже раздулась от соли.

Фиби не видела ни грамма жира на теле женщины. Более того, она выглядела недоедающей, но Фиби знала, как работает тщеславие.

– Может, зайдете? – сказала Вики. – Здесь бардак, но я уже распаковала самую важную вещь.

– Какую?

– Кофейник, конечно.

– Кофе – это здорово. Спасибо.

Фиби удивлялась, как легко все продвигается. Было приятно снова играть вменяемого человека, будто разминаешь ноги после того, как слишком долго сидел. Впрочем, это было

легко благодаря Вики. С ней просто было войти в один ритм. В доме Фиби поразило, насколько просторным кажется это место, по большей части за счет высоких потолков и светлых тонов. Натуральная древесина и окна от пола до потолка в гостиной объединяли дом с улицей. Здесь еще не было массивной мебели или ковров, только коробки и пара стульев, так что их шаги и голоса отзывались эхом от деревянных полов.

– Здесь красиво. Я никогда не была внутри.

– К сожалению, здесь нужно сделать больше, чем я предполагала. Водопровод, водостоки, может, даже крыша, но, учитывая цену, нам очень повезло.

– Прошлые владельцы были довольно пожилыми, если я не ошибаюсь. Думаю, они многое запустили.

Вики слегка кивнула.

– Это точно.

Она проводила Фиби на кухню, где не было почти ничего, кроме нескольких коробок. Казалось, они привезли не так много вещей, может, их было достаточно для небольшой квартиры или комнаты в общежитии. Она будто прочитала мысли Фиби.

– Мы приехали с самым необходимым. Переезжать через страну со всем имуществом слишком тяжело, поэтому мы устроили там во дворе большую распродажу и планировали заполнить освободившееся место чем-то новым.

– Думаю, начать с чистого листа – это отлично, – сказала Фиби.

– Определенно.

Вики показала на табуретки под кухонной стойкой и быстро выбросила коробки из-под пиццы и пустые банки от газировки.

– Как я уже сказала, здесь бардак.

– Да ничего страшного, правда. Видела бы ты мой дом. И у меня, в отличие от тебя, нет оправданий.

Это была ужасная ложь. Она содержала дом в идеальной чистоте даже сейчас, без помощи домработницы, которая приходила дважды в неделю, пока Фиби не стала слишком подозрительной после скандала с Дэниэлом. В любом случае помощь была не так уж и нужна. Уборка – это главная страсть Фиби и вечный повод для гордости, но Вики нужно было подбодрить. Фиби села и стала смотреть, как она ставит электрочайник. Кофейником на самом деле оказался стеклянный кемекс. Плюс балл за кофейный снобизм.

– Где мужчины? – Фиби спросила, прекрасно зная, где один из них.

– Джейк на пробежке, а у мужа, Рона, начинается шестнадцатый час восьмичасового дежурства в больнице. Он придет домой в отличном настроении. – Ее сарказм был скрыт так же тщательно, как тату на шее у подростка. Несколько минут спустя они уже потягивали превосходный кофе и принялись за маффины после долгих извинений Вики за то, что она все еще не сходила в магазин и не купила нормальных продуктов, в том числе сливочного масла. Фиби кусала аккуратно и понемногу, следуя правилам приличия в новой компании, но Вики явно не интересовали такие условности. Она откусила полверхушки маффина, в экстазе закатив глаза.

– Боже мой, они восхитительны, – сказала она с почти полным ртом, – добавлять масло было бы преступлением.

Фиби, одновременно развеселившись и освободившись от невидимых рамок общественных приличий, последовала ее примеру и тоже откусила большой кусок.

– Значит, Фиби. Классное имя. Вспоминается девушка из фильма «Веселые времена в школе Риджмонт».

Она ухмыльнулась.

– Вот бы до сих пор выглядеть так в бикини!

– То, что ты вообще когда-то так выглядела, уже дает тебе преимущество передо мной. Расскажи о себе.

Внутри нее все перевернулось. Почему знакомство с новыми людьми всегда начинается как собеседование? Но все-таки Фиби повезло, что Вики, кажется, не знает, кто она на самом деле. Она пробежалась по своей коллекции заготовленных ответов и нашла один, максимально уводящий ее от отца и семьи.

– Я родилась и выросла в Чикаго. Десять лет после свадьбы жила в Лейк-Форесте. Мы с Уайаттом встретились в Северо-западном университете. Детей нет.

Последние два слова отдавали горечью, недавний спор с Уайаттом был еще свеж в памяти. Вики, кажется, ожидала большего, и Фиби осознала, что она не может сказать ничего хоть немного интересного о себе, никак не затронув отца.

– Эм, еще я люблю смотреть на восход и долго гулять вдоль озера. Мой любимый цветок – орхидея.

Вики засмеялась.

– Прости, что поставила тебя в неловкое положение. Это моя плохая привычка. Ты училась в Северо-западном, да? Здорово. Рон работает там в больнице. Какая у тебя была специальность?

– Коммуникации. После выпуска я занималась маркетингом и исследованиями рынка в компании отца. Было весело.

На самом деле это были худшие годы в ее жизни, по крайней мере до последнего времени. Большинство сотрудников либо ненавидели, либо боялись ее, думая, что ее повысят раньше или что она нашепчет про них старику. Никто из них не знал, как он надеется на провал Фиби. Тогда она этого не понимала, но сейчас знает, что ему незачем было держать в компании женщину, если он не мог принудить ее к интиму.

– Видимо, ты больше не работаешь с ним.

– Да, я недолго занималась этим.

– И что же ты делала потом?

Ничего. Ответ – совершенно ничего, но она не могла сказать это.

– Я окунулась в писательство. – И вот снова эта чертова книжная ложь. Она содрогнулась, вспомнив утреннюю ссору с Уайаттом.

Брови Вики предсказуемо приподнялись с интересом.

– Ты стала писать книги?

– Я бы не говорила во множественном числе. Я написала страниц тридцать, прежде чем поняла, что деревья не заслуживают погибать ради такой бездарности.

– О. Ты не слишком строга к себе?

Фиби пожала плечами.

– Может быть. Но это явно не мое призвание. Наверное, я пока так и не поняла, в чем оно. Мой отец был инженером, но я не хотела иметь с этим дела, и он никогда не настаивал на этом или чем-то другом.

Вики разинула рот.

– Как круто! Моя мать тоже была инженером. Тоже серьезным. Но я согласна, это может быть скучно, если это не твое. И это было не мое. Я всегда хотела пойти в юриспруденцию и взяться за большие злые корпорации, как Эрин Брокович.

Фиби внезапно почувствовала радость от того, что не раскрыла личность отца.

– Ты этим занимаешься? Юриспруденция?

Вики покачала головой и опустила взгляд.

– Боюсь, я всегда была только внутренним поставщиком услуг. Жизнь так распорядилась, что у меня не было возможности последовать по стопам матери в плане образования. Так что я вышла замуж, сама стала матерью к двадцати годам и сосредоточилась на этом, в то время как Рон закончил медицинский и ординатуру.

– Думаю, ты сделала все правильно. После того как умерла моя мама, меня просто-напросто выращивала прислуга. Да, черт возьми, даже до того, как она умерла.

– Ну, я не думаю, что сделала бы что-то иначе, но мой единственный ребенок уже почти взрослый, он скоро вылетит из гнезда, и это похоже на то, что тебя увольняют без выходного пособия.

Ее тон был достаточно светлым, но Фиби чувствовала целый океан досады за видимой веселостью этой женщины. Обстоятельства их жизни были совершенно непохожи, но Фиби понимала это чувство, как будто где-то по пути жизнь словно оставила тебя позади и теперь тебе самой нужно искать дорогу.

– Я все думаю, может, завести собаку, – сказала Фиби.

– Я больше думаю завести интрижку с кем-нибудь помоложе.

Фиби была рада, что не глотала сейчас кофе, иначе бы она подавилась. Вместо этого она криво улыбнулась.

– Тоже вариант, наверное.

Они посидели несколько минут и попили кофе, погружившись в свои мысли. Тишина была не столь неловкой, как могла быть для двух людей, познакомившихся меньше часа назад. На самом деле тишина была почти что интимной. Фиби не хотела испытывать такую приязнь к Вики. Разве сейчас подходящее время, чтобы заводить друзей? Впрочем, когда время казалось ей подходящим для этого? Половина ее проблем заключается именно в этом. Хорошо, что Вики не похожа на других женщин здесь. Она не выглядит настолько напряженной, чтобы колоть орехи мышцами таза. Одно то, что она вышла из дома не накрашенной, переводит ее в совершенно другую лигу. Черт, она даже курит что-то не на батарейках. Может, это потому, что она немного старше Фиби, но Вики... настоящая. Она могла быть такой подругой, в какой Фиби нуждалась большую часть своей взрослой жизни. Ну почему у нее такой горячий сын?

– Слушай, я так рада, что ты зашла, – сказала Вики. – Последние пару дней я сходила с ума в размышлениях, правильно ли я поступила.

– Ты имеешь в виду переезд сюда?

– Мы серьезно рискнули, и это было сложно для всех нас. Я никогда не думала, что снова приеду на Средний Запад. Калифорния, наверное, всегда будет для меня как дом.

– Да. Твой сын сказал, что ты отсюда.

– На самом деле из Оук-Парка. Но я тогда была совсем маленькой.

Она снова замолчала, глядя на свой кофе.

– Когда моя мать заболела, мы переехали западнее, ближе к ее семье. Они уже все умерли. Но я выросла там, встретила Рона. Оказалось, он в детстве тоже переехал отсюда. Думаю, именно это объединило нас, потому что у нас было явно мало общего. – Она засмеялась. – В любом случае, мы снова оказались здесь, пройдя полный круг.

Фиби удивилась, зачем они вернулись сюда, если Вики явно не хотела этого. Но она хорошо знала эту позу: отстраненный взгляд, скрещенные руки, слегка сгорбленные плечи. Фиби так выглядела, когда разговор слишком близко касался ее отца. Конечно, у Вики есть свои болевые точки. Сейчас не время трогать их. Может, такое время никогда не настанет, и это нормально.

– Здесь не так плохо, – сказала Фиби жизнерадостно, надеясь вернуть разговору некоторую легкость. – Зима бесит, но у нас есть озеро, которое прикидывается океаном, и в хот-доги у нас кладут салат, так что ты испытываешь не такое сильное чувство вины, когда ешь их.

Вики ухмыльнулась.

– Даже не знаю, смеяться или плакать.

Дверь в гараж открылась, и зашел Джейк, весь потный, из его наушников была слышна музыка. Когда его взгляд остановился на Фиби, ее живот захлестнула теплая волна, будто она

выпила шот виски, и она сразу почувствовала себя ужасным человеком. Неожиданно милый разговор с Вики возбудил странную смесь противоречивых эмоций.

– Привет, Фиби. – Он сдернул наушники и взял кухонное полотенце, чтобы вытереться. Вики вздернула брови.

– Эй, а манеры?

– Она разрешила называть себя Фиби, когда мы познакомились.

– Это правда. Я разрешила. Привет, Джейк. Как побегал?

– Вспотел. Очень влажно на улице.

– Вообще-то мне нужно было это полотенце. – Вики стрельнула в него глазами, но по улыбке было совершенно очевидно, что на самом деле она не сердится.

– Успокойся, женщина. Я достану тебе чистое. – Он кинул в нее комочек белой махровой ткани.

Вики поймала его прямо перед своим лицом.

– Грубиян!

Она посмотрела на Фиби с наигранным возмущением.

– Видишь, с чем мне приходится иметь дело?

Она толкнула в его сторону контейнер с маффинами.

– Поешь, мальчишка. Их сделала Фиби, и они великолепны. Еще осталось немного кофе, если хочешь.

– Поем, но сначала в душ.

– Подожди. Пока ты не помылся, можешь подстричь траву? Клянусь, я уже слышу, как она там растет. Меньше всего мне нужно, чтобы кое-кто приехал из города и постучался в дверь с линейкой в руках.

– Я бы с радостью, но мы не привезли газонокосилку, помнишь?

Вики вздохнула и потерла лоб.

– Чудесно. Еще одна чертова вещь, которую нужно купить. Твой отец будет в восторге.

– Я думал, ты уже знаешь.

– Будто мне больше думать не о чем сейчас! Разве так сложно немного помочь? Боже мой.

Фиби бросила взгляд на Джейка, он уставился на свои ноги, как испуганный пристыженный маленький мальчик. Что-то изменилось между матерью и сыном, и веселая атмосфера, царившая минуту назад, исчезла.

– Прости, мам, – сказал он, не поднимая взгляд. – Ты права. Нужно было сказать тебе раньше.

Вики закатила глаза.

– Забудь. Я просто добавлю это в список прочей хрени, которую мне осталось сделать.

Она посмотрела на Фиби, будто вспомнив, что она все еще здесь, и по ее лицу пробежало смущение.

– Боже. Прости. Ты знаешь меня пять минут, и уже нюхаешь мое грязное белье.

– Да не переживай, – сказала она. – У тебя столько дел, я представляю, как это сложно. Ее плечи немного расслабились.

– Спасибо. Твой садовник, случайно, не мог бы зайти на минутку? Я поклялась Рону, что газон будет сегодня готов, как и все остальное.

Фиби задумалась, что такое Рон сделает, если его жена не сможет выполнить обещание, и тут она снова увидела синяк на руке Вики и вспомнила этого мужчину, который в тот день ходил по тротуару и кричал в свой телефон. Возможно, это не тот вывод, который нужно сразу делать о человеке, которого она формально никогда не встречала, но Рон как минимум выглядел так, будто у него проблемы с управлением гневом. Однако у нее было решение для дилеммы с газоном Нейпиров.

– Не знаю, доступен ли сейчас садовник, но у меня в гараже стоит газонокосилка, которой вы вполне можете воспользоваться.

Все тело Вики расслабленно обмякло.

– Боже мой, ты уверена, что это не доставит проблем?

– Совершенно. Иногда Уайатт стрижет газон сам между посещениями садовника, если слишком дождливо, но это бывает редко. По-моему, он использовал ее только раз за последние два лета.

– Ты настоящий спаситель, Фиби. Ты не представляешь... – Было не похоже, чтобы она преувеличивала, и это было тревожно. – Я отправлю Джейка за ней в любое время, как будешь готова. Может, он возьмет у тебя и номер садовника.

– На самом деле Джейк может пойти со мной прямо сейчас. В любом случае, мне уже пора.

Фиби стояла, надеясь, что выглядит не слишком возбужденной, особенно сейчас, когда Джейк сверлил ее глазами.

– Я перед тобой в таком долгу. Приходи опять завтра, если хочешь. У Рона снова будет дежурство, и я приведу кухню в состояние, когда здесь уже можно будет приготовить завтрак. Но я не давя.

Она хотела отказаться. На этом этапе ее жизни одного визита вежливости было бы достаточно по меньшей мере до Рождества, но было сложно сказать нет человеку, которому явно нужна дружеская компания.

– Хорошо. Увидимся завтра.

– Может, принесешь мне почитать свою книгу? – подмигнула Вики.

– Очень смешно, – сказала Фиби с усмешкой.

Джейк пошел с ней к передней двери. С того момента, как они пришли с улицы, стало намного жарче, но она не была уверена, что в этом виновата только погода. Так или иначе, что именно она пытается сделать?

– Значит, ты написала книгу? – спросил он.

– На самом деле нет.

– Хорошо, если бы ты ее написала, какой бы она была?

– Что-то вроде садомазо для супермамочек. Блокбастер, конечно.

– Ясно. А я больше по части фантастики. Если это будет садомазо для супермамочек в космосе, я обязательно гляну ее.

Она засмеялась.

– Я приму к сведению.

Когда они подошли к гаражу, она набрала код от одной из дверей, готовясь к его реакции на то, что будет внутри.

– Да ладно! Это 458?

Дорогуший «Феррари» Дэниэла всегда был гарантированным гвоздем программы. Она подумала о сцене в «Выходном дне Ферриса Бьюллера», когда Феррис страстно захотел прокатиться именно на такой запретной машине, стоявшей в гараже Кэмерона, но не стала ничего говорить, хотя почти дословно помнила диалог и знала все места, где его снимали. Фильм был лет на пятнадцать старше его, почти ее ровесник.

– Этот на самом деле значительно более редкий, – сказала она. – Но я не очень много о нем знаю.

И не особо интересуюсь, подумала она.

– Он твой, и ты ничего про него не знаешь?

– Он принадлежал моему отцу. У него была большая коллекция автомобилей. Почему-то он подумал, что этот должен достаться мне, когда он умрет. – Она знала точную причину, по которой он достался ей. Ему было прекрасно известно, насколько она ненавидела его при-

страстие собирать все, чем хоть как-то можно похвастаться, как, например, самые редкие автомобили в мире. Этот «Феррари» он ценил больше всего не только среди своих машин, но среди всего своего имущества. Его доставили сюда на грузовике примерно за три недели до его смерти с запиской, что двум самым ценным его сокровищам суждено быть вместе. Очень мило; для тех, кто не знает, каким он был манипулятором. Дэниэл рассчитывал на то, что из-за своих противоречивых чувств она не продаст его, и он был прав. И вот он здесь, спрятан в ее гараже, как скрытая рана. Но она часто фантазирует о том, чтобы принести сюда бейсбольную битку. А может, даже банку с бензином и спичку.

– Твой отец, кажется, был интересным парнем.

Фиби натянуто улыбнулась.

– Он точно не был скучным.

– Ты ездила на нем?

– Боже мой, нет. Муж как-то брал его прокатиться вокруг квартала, но это было ужасно.

Как и сам Дэниэл, добавила она про себя, одновременно заметив, как необычно она сказала об Уайатте. Не «мой муж», а просто «муж». Вербально она уже освобождала себя от своих обязательств, надеясь выглядеть более доступной. Но учитывая, как обстоят дела с ее браком, такая степень отстраненности была даже преуменьшением. «Парень, с которым мне довелось жить» – это, пожалуй, самое точное определение, но это звучало бы слишком странно. Честность – не всегда лучшая политика.

Тем временем, кажется, Джейк даже не заметил этого. Он изучал каждый изгиб на теле «Феррари».

– Он нелепый, да? – сказала она.

– Думаю, «восхитительный» – более подходящее слово.

Она незаметно для него закрыла глаза. Люди со стороны никогда не понимают этого, даже такие, как Джейк, кто вырос явно не в бедности. Может, когда он станет старше, он поймет, что все это просто ширма. Ее отец собрал так много вещей за свою жизнь, надеясь, что их блеск и фантастический ценник покроют тот факт, что он ужасный человек. Это довольно хорошо работало, когда он был жив, но сейчас – не очень. Ему еще повезло, что люди не заговорили о нем до его смерти. Опять-таки, он наверняка знал, что правда скоро выяснится, и ожидал, что она взвалит себе на плечи и эту ношу, как и эту проклятую машину.

– Ты тоже помешан на технике, да? – спросила она.

Джейк пожал плечами.

– Немного. Но даже если бы я не увлекался машинами, я бы с ума сошел от этой. Он сцепил руки за спиной, будто осматривая в музее бесценный артефакт. В этой позе его и так впечатляющие мышцы плеч выступили четким рельефом. Тут она осознала, что их не видно с улицы, и каждая ее клеточка наполнилась энергией, которую она не чувствовала годами. Она помнила, что испытывала такое же чувство, будучи гораздо младше, свываясь со своей сексуальностью и проверяя эффект, который она производит на мальчиков своего возраста и на мужчин старше. Именно тогда она обнаружила в себе то, что показалось ей почти суперспособностью. Это было связано не только с красотой и хорошей фигурой, хотя и они были не лишними. Это было нечто невидимое: глубокий, притягательный источник харизмы, который заставлял оцепенеть каждого, на ком она его использовала. В какой-то момент, примерно в то время, когда она встретила Уайатта, она окружила этот источник стеной и постепенно забыла о нем. Больше не было чувства, что он ей нужен – зачем, когда она нашла человека, который рад быть с ней в ее худшие дни? Но сейчас раствор между кирпичами крошился, и Фиби снова ощутила часть той силы, пусть ей, повзрослевшей и давно не тренировавшейся, было сложно совладать с ней.

– Можешь потрогать, если хочешь, – сказала она, подступая немного ближе к нему. – Может, я даже пушу тебя внутрь.

Она сделала это, и внутри у нее все закричало. Эти слова повисли между ними, как мощный афродизиак, который может или сделать их ближе, или отпугнуть его. Или, может, он будет настолько наивен, что примет все за чистую монету. На самом деле, было бы неплохо, если бы он вовсе не услышал ее, поглощенный очарованием «Феррари». Да, пусть все закончится так, потому что это глупо. Так, черт возьми, глупо. Ей уже не семнадцать. *Повзрослей, Фиби. Хочешь чего-то возбуждающего – сходи на пробежку. Чтобы получить всплеск эндорфинов, есть способы получше.*

Он отвернулся от машины и посмотрел на нее пристальным и уверенным взглядом гораздо более взрослого мужчины.

– Я бы поставил себя в неловкое положение, если бы сделал это.

Теперь не было сомнений, что он все слышал – и слова, и их подтекст, и это ключевой момент для них обоих. Дверь между ними широко раскрыта. Любой из них может пройти через нее, если они захотят. Но он ждет ее действий. Конечно, он ждет. В конце концов, со сколькими девушками он был за свою жизнь? С одной? Максимум с двумя? Он может все еще быть девственником. Эта мысль стала иглой, из-за которой все лопнуло.

Она прочистила горло и отступила назад. Ее желание стихло, освобождая место для здравого смысла. Единственное, чего ей сейчас хотелось – оказаться у себя в постели. Одной.

– Ладно, давай я покажу тебе, где стоит газонокосилка, – сказала она. Стыд победил, по крайней мере сейчас.

Интерлюдия

По соседству поселилась новая семья, но когда же ты успела сблизиться с ними, миссис Миллер? За все недели, что мы с тобой заперты в этом тупике, я ни разу не видела, чтобы ты действительно выходила из дома. Я так давно оставила надежду на это, что не могла поверить своим глазам, когда увидела, что ты возвращаешься домой от новоселов с мальчонкой на хвосте. Ты была так поглощена им, что даже не заметила меня на обычном месте. После этого он заходил еще несколько раз, а еще женщина, которая была похожа на его мать. Но ни разу вдвоем. Я удивляюсь, что ты задумала – играешь в дочки-матери или играешь с огнем? Не слишком сходи с ума. Я бы не хотела, чтобы ты забыла, кто на самом деле важен.

В последнее время я тоже была немного занята. С того самого дня, как я познакомилась с Джесси Бахманом, я знала, что он первоклассная мразь. Это началось с того, как он взглядом мертвой рыбы стал блуждать по моему телу, будто это стильный пиджак, который он хочет примерить. Это продолжилось непристойными шутками, как правило про женщин, которые я слышала от него в комнате отдыха или возле погрузочных доков; от отпускал их перед продавцами газировки и другими работниками-мужчинами, большинство из которых скалились из вежливости и сразу уходили. Еще я заметила, как реагируют на него другие девушки, напрягаясь и скрещая руки, будто в комнату только что влетел злой дух.

Я уже говорила, что этот подонок – начальник смены по обслуживанию клиентов? Технически он мне не босс, да и вообще никому не босс, но он любит превышать полномочия, потому что может выйти сухим из воды. Ты, наверное, даже видела его. Он рыжий и сутулый, а его улыбка представляет собой слегка искривленные губы, будто он переживает особенно тяжелый момент, сидя в туалете. Я была бы счастлива продолжать игнорировать его, но в последнюю неделю или около того я стала все чаще замечать боковым зрением, что он пялится на меня, думая, что я не вижу. Какая ирония.

Я думаю, он все ждал, что я немного созрею и почувствую себя комфортно на работе, чтобы сделать свой шаг. Скорее всего, он проделывал это почти с каждой женщиной здесь. Так что я начала психологически готовиться к моменту, который наконец наступил вчера, когда я сделала запись об уходе с работы, повернулась и увидела, что он стоит прямо надо мной, каждым зловонным выдохом распространяя нахальство.

– Джесси, ответ – нет, – сказала я.

Он подпрыгнул, явно испугавшись. Такого он не репетировал. Отказ он наверняка ожидал, если не надеялся на него. Парни вроде Бахмана зависимы от отказов, ими подпитывается их представление, что все женщины – суки, которые ненавидят их. Но упреждающий отказ? Они никогда такого не видели, и это лишает их удовольствия увидеть, как жертва извивается.

– Ты даже не знаешь, что я собирался сказать, – фыркнул он.

– Все равно ответ – нет, – бросила я.

– Это все? У меня даже нет шанса?

– Нет. – Я не останавливалась ни на шаг.

Он пробормотал себе под нос что-то сомнительное вроде «проклятая шлюха». Как на заказ. Всегда должна быть поставлена точка, и он справился на отлично. Единственной моей ошибкой была мысль, что все закончилось.

Только со вчерашней ночи до сегодняшнего утра я получила три анонимных имейла с разных адресов. Еще мне поступило несколько звонков со случайных номеров. Каждый раз трубку бросали, и я подозреваю, что все это было сделано специально. Утром я вышла из машины и увидела милое слово на «с» на двери со стороны водителя, написанное розовым лаком для ногтей. А это значит, что ночью он был прямо возле моей машины, пока я спала.

Полагаю, я ушла и превратилась во врага. Обычно это я подкрадываюсь в ночи. Теперь мое внимание привлек Бахман. Он купил тебе немного времени.

Глава 6

Фиби открыла дверь и увидела Вики, держащую в руках что-то вроде пирога и бутылку белого вина. Она пришла на полчаса раньше. Но спешить на несколько минут, кажется, было настройкой Вики по умолчанию, будто она ждет не дождется, как бы оказаться где-то в другом месте. Фиби не могла этого понять, но, поскольку делать было нечего, она довольно быстро привыкла к этой странности Вики.

– Доброе утро, – сказала она, отступая, чтобы впустить Вики, и по привычке украдкой бросила взгляд через ее плечо. Синей машины еще не было. Кто-то опаздывает. Она остановилась на мгновение. Вчера машина тоже не показалась. Когда она приезжала последний раз? Блокнот мог бы ответить, но Вики уже входила в дом. С этим придется подождать.

– Я готова нырнуть в него с головой, – сказала Вики, поднимая бутылку.

– Тебе правда не стоило так утруждаться. – Фиби взяла пирог и поставила его в духовку, чтобы разогреть. – Я купила только нарезанные фрукты. Я проигрышно выгляжу на твоём фоне.

– Поверь, это не проблема. Ты же знаешь, что я люблю печь.

Это был их пятый совместный прием пищи за три недели, что прошли с того утра на кухне у Вики. Два раза это были местные закусовые, потому что Вики настаивала, чтобы Фиби показала ей, что сейчас популярно в городе, хотя между строк читалось, что Фиби просто нужно бросить свое отшельничество и больше выходить. Про себя она недовольно ворчала, но в конечном счете всегда была рада пожевать бургер в «Лантерне» или глотнуть мул в «Мэйвери Паблик Хаус» – в местах, куда они с Уайаттом регулярно заходили, когда только переехали сюда. В другие разы они сидели на кухне у Фиби или на заднем дворе ее дома, хотя она была уверена, что в следующий раз Вики снова потащит ее в город. Она уже упоминала несколько других мест, которые привлекли ее внимание.

В следующий раз. Она предполагала, что теперь это делает Вики настоящей подружкой. Не то, что они едят вместе, а то, что они обменялись телефонами, переписывались, отправляли друг другу рецепты и сплетни о знаменитостях. Они не копали глубже этого. И они не добавили друг друга в соцсетях, но только потому, что Фиби удалила все аккаунты после смерти отца. Это хорошо, потому что она до сих пор ничего не сказала об этом Вики. Может, она уже все поняла и молчит из вежливости. Если так, от этого Вики нравится ей только больше.

Уайатт гордился бы тем, что она приложила усилия и подружилась с кем-то, если бы она решила рассказать ему об этом. Но она до сих пор не рассказала, в основном из-за того, что сейчас они жили в разных углах дома, но еще и потому, что ей нравилось хранить эту часть своей жизни при себе. Если бы Уайатт знал, он наверняка захотел бы присоединиться или устроить двойное свидание, а это исключено. К счастью, Вики не предлагала ничего такого. Как и Фиби, она казалась довольной тем, что этот маленький девичий оазис принадлежит только им.

Конечно, это не совсем оазис. На их острове есть еще один человек, пусть об этом не знала Вики или кто-то еще: Джейк. Он регулярно заходил постричь газон, так что Фиби даже отказалась от услуг садовника. В любом случае, его запоздалые попытки найти работу на лето были безуспешны, поэтому она делала ему не меньшее одолжение, чем он ей. Уайатт ничего не сказал о переменах, но он редко занимался хозяйственными вопросами.

Также она привлекла Джейка к другой мелкой работе по дому, по поводу которой она давно перестала пилить Уайатта: поменять лампочки, до которых она не дотягивается, прочистить водосточную трубу, повесить картину, которую она купила несколько лет назад, подкрасить облезшие перила на крыльце и дверные косяки, привести в порядок сарай и чердак, и конечно протереть пыль с «Феррари». Было приятно закрыть некоторые вопросы, но она знала

свои истинные мотивы. Его присутствие оживляло ее, как тройной эспрессо. Ей нравилось даже просто смотреть на его фигуру, которая была словно выточена из камня – все благодаря занятиям теннисом, но он прекрасно умел и поддерживать разговор. Обучение в дорогой частной школе давало о себе знать: он разбирался в книгах, политике и хорошо владел речью.

Они задерживали взгляды друг на друге чуть дольше, чем следовало бы, и было удивительно, сколько немых слов они могли сказать всего за секунду, но Фиби полагала, что, пока она не прикасается к Джейку, она может продолжать наслаждаться этими тихими взглядами. Хотя звучало это так, как если бы пироман говорил себе, что, соблюдая меры предосторожности, он никогда не спалит дом.

Но, по крайней мере, он скоро уедет в университет. Ко Дню труда это нелепое маленькое увлечение забудется навсегда.

Вики взяла бокал из буфета и штопор из специальной подставки рядом с винной полкой и уселась на свое обычное место за столом – то же место, на котором по утрам сидел Уайатт, когда они раньше завтракали вместе. Ее новая подруга определенно свыклась с обстановкой. Конечно, они сидели у Фиби на кухне уже трижды, и казалось, что так будет продолжаться всегда. Вики говорила, что ее дом все еще не готов к гостям, потому что они с Роном никак не могут договориться даже о простейших вещах вроде выбора мебели и цвета стен. Фиби думала, что дело в другом, и Рон наверняка не любит, когда Вики принимает гостей, но она была даже рада встречаться у себя дома, потому что, хотя она и пускает новых людей в свою жизнь, она всегда чувствует себя комфортнее в своих стенах.

Фиби с минуту смотрела, как Вики пытается откупорить бутылку, прежде чем вмешалась.

– Хочешь, я открою?

Вики робко посмотрела на нее.

– Можешь? С моей удачливостью я ее сейчас уроню.

Имея за плечами много практики, она быстро справилась с бутылкой и вернула ее. Подруга выглядела не слишком хорошо, она была бледна и истощена и, возможно, хотела залить этим вином похмелье, с которым Фиби тоже была хорошо знакома. Когда Вики налила себе намного больше половины бокала, Фиби отметила, насколько та похудела. Скорее всего, она потеряла еще пару килограммов при том, что и так была стройной, но об этом было сложно судить из-за ее одежды: не ней была мешковатая розовая кофта с длинными рукавами и слишком высоким воротником. Необычно для середины лета. Она вспомнила синяк, который видела на руке Вики в первый день их знакомства, и беспокоилась. Она прикрыла что-то новое?

Хотя они провели какое-то время, болтая о своих мужьях, обе избегали серьезных разговоров. Но у Фиби постоянно возникали вопросы. Вики всегда казалась слишком взвинченной, будто покусанной, как ее ногти. Фиби в итоге увидела Рона поближе на следующее утро после того, как одолжила им газонокосилку. Он пришел после дежурства в больнице с головной болью, так что его настроение было не лучше, чем в день переезда. Он был достаточно вежлив и поблагодарил ее за газонокосилку, но в его словах слышалась горечь, будто это сильно смущало его. Впрочем, иногда люди не любят принимать помощь, и Рон, видимо, слишком серьезно относился к своему мужскому достоинству. Что также относит его к той группе мужчин, которые поднимают руку на своих жен.

Фиби решила, что настало время перевести дружбу на новый уровень.

– Эй, все в порядке?

Вики сделала большой глоток из бокала и тяжело вздохнула.

– Я выгляжу так плохо, да?

– Я бы не сказала, но я могу судить по своему опыту, что, когда я готова опустошить бутылку вина на завтрак, у меня не лучший день.

– Твоя проницательность тебя не подводит. Но давай сначала выпьем и поедим.

Фиби кивнула и потянулась к бутылке.

– Я немного сбавлю твой темп.

Когда пирог погрелся, Фиби положила по большому куску на тарелки вместе с ананасом и клубникой, которую она купила, и они пошли к заднему крыльцу, потому что Вики любила покурить, пока они общались. На прошлой неделе Фиби купила ей пепельницу, которую быстро мыла и прятала после того, как Вики уходила. Уайатт был бы рад узнать, что у Фиби есть подруга, но у него будет истерика от любых следов сигарет.

– Ну вот, мы поели, – сказала Фиби после того, как несколько раз откусила от пирога. – Выкладывай.

Вики положила свою вилку и вытерла рот.

– Мы с Роном сильно поссорились вчера. Ничего удивительного, но было хуже, чем обычно. Я боюсь, что он бросит меня. Особенно когда Джейк уедет учиться.

Ее голос дрогнул на последних словах, но она кашлянула и смогла договорить.

– А что случилось? – спросила Фиби, еле сдерживаясь, чтобы не спросить, почему уход Рона будет такой уж большой потерей. В лучшем случае он грубый мерзавец. *Возьми с него алименты, милая, остальное пусть катится.*

– Даже не знаю, с чего начать. – Она помолчала минуту, собираясь с мыслями. – Все наваливается на меня с миллиона разных сторон. Работа Рона, наш брак, моя мама.

– Ты говорила, что твоя мама болеет. Это само по себе тяжело.

– На самом деле она находится в лечебнице большую часть моей жизни, и в это сложно поверить, когда я думаю об этом. Я помню, какой она была до... до того, как заболела, но я не могу поверить, что это было больше двадцати пяти лет назад. – Она вздохнула и опустила голову. – Мне очень сложно говорить о ней. Сложнее всего, по правде говоря.

– Если не хочешь, ничего страшного. Я понимаю.

Вики внезапно издала короткий резкий смешок, по которому невозможно было понять, веселый он или злой.

– Понимаешь?

– Я знаю, что такое потерять родителей. Моя мама умерла, когда мне было тринадцать. – В голосе Фиби прозвучали оборонительные нотки. Вики пытается посоревноваться с ней, кто страдал больше? *Ладно тебе, Фиби. У нее явный стресс.* Фиби сделала большой глоток вина.

– Когда мы ехали сюда, у меня был план, понимаешь? Последние несколько месяцев был абсолютный ад, но я была уверена, что мы сможем начать все заново, вместе оставить все позади, как это бывало раньше. Но это не сработало. Я чувствую себя гребаной дурой. – Вики заговорила громче и быстрее, размахивая в воздухе своим почти опустошенным бокалом. Алкоголь уже делал свое дело.

– Вы пока привыкаете, – сказала Фиби. – Прошло всего несколько недель.

Вики продолжила, как будто Фиби ничего не сказала.

– Рон ненавидит свою новую работу, говорит, что чувствует, будто его *понижали*. – Она закатила глаза. – Да, окей, чувак. Я знаю, что это уже не та фантастическая работа в Беверли-Хиллз, но ты все тот же чертов нейрохирург в одной из лучших больниц страны. Понижали. Ему повезло, что он все еще врач, а не сторож в этой больнице.

Она замолчала на минуту, эти слова, как дым, повисли между ними в воздухе. Фиби тянуло спросить, что именно случилось с работой Рона, но это был не подходящий момент. Вики собиралась говорить дальше.

– А еще мой сын. Есть чувство, что он тоже пробуксовывает. Сейчас он почти не говорит про Стэнфорд. Знаешь, сколько лет я следила за его оценками и занятиями спортом, чтобы он получил стипендию? Теперь у него полная стипендия, а он будто готов наплевать на это. Наверное, это и моя вина.

Фиби подняла бровь. У Джейка стипендия? Интересно, учитывая престижную специальность папочки. Нейрохирурги из Беверли-Хиллз обычно в состоянии отправить детей в университет без такой помощи. Она была уже достаточно заинтригована, чтобы расспросить об этом, но Вики продолжала говорить.

– В последние дни мы с Роном только и делаем, что орем друг на друга. Я удивляюсь, что ты не слышишь наших ссор. Или слышишь? Не бойся, ты меня не смутишь, если скажешь «да». Я уже достаточно подавлена.

– Я ничего не слышала. Наш дом – как крепость.

Вики достала свои ментоловые сигареты и закурила одну.

– Везет вам. У нас дом как швейцарский сыр. Окна сквозят, крыша течет, плохая вентиляция. О чем ни подумаешь, все нужно чинить. Полная лажа.

Фиби нахмурилась.

– Разве не нужно было все проверить перед покупкой?

– Наверное, мне нужно признаться. На самом деле мы арендуем его. – Она опустила голову, будто сильно стыдилась. Фиби в общем понимала, что это не очень хорошо, по крайней мере, с точки зрения статуса, но это был далеко не конец света. Если что, Вики даже не будет обременена ипотекой на этот дом.

– Хорошо, значит, хозяева ответственны за ремонт и все такое, нет?

Вики вздохнула.

– По идее, должны бы быть. Но мы так оформили аренду... впопыхах и спустя рукава. В общем, я думала, мы справимся с мелкими проблемами, которые всплывут. Я думала, дом в таком районе не потребует столько работы. Я сглупила.

– Да, хреново. – Это был дежурный ответ на случай, когда она не могла придумать ничего ободряющего, потому что да, Вики сглупила. Лейк-Форест кишит семейными особняками за миллионы долларов, но здесь есть и простые дома, многие из которых довольно старые. Если за ними не следить, они разваливаются, как любая другая куча дерева и кирпича.

– И Рон тоже был готов. – Она остановилась. – Ну, в целом. Он не хотел сюда ехать, но в итоге согласился. И все было хорошо, пока не пошло наперекосяк. Теперь это *моя* вина, и он напоминает мне об этом при любой возможности. Но мы так спешили с переездом отчасти из-за него. – Вики снова затянулась и вытерла глаза.

– Почему он торопил тебя с переездом?

– Он потерял работу.

– Ох, жаль.

– Да не жаль. Он шарлатан. Он получил это место в Северо-западном университете только потому, что у него все еще есть пара друзей наверху. Разве оно не всегда так работает? Говорят, сливки всегда поднимаются. Но еще говно всегда всплывает. В конечном итоге он напортачит, и его спустят в унитаз, и мы все вместе с ним провалимся в канализацию.

Фиби вздрогнула. Вики, явно под градусом и на пути к опьянению, осушила свой бокал и налила в него остаток шардоне почти до краев.

– Ты не против? – спросила она, будто Фиби могла возразить.

– Пей. – Впервые за долгое время она чувствовала, что ее собственные проблемы не нужно так заливать. По крайней мере, у нее надежная крыша над головой. По крайней мере, ее кусок нобловского состояния защищен от последствий дурости ее отца, почти как он и предполагал. Фиби испытывала чувство вины, хотя не понимала, за что.

– Странно, что все может развалиться так, что ты задаешься вопросом, неужели высшие силы не просто вмешались в это, но прямо-таки объявили тебе кровную месть, понимаешь?

– О, да, понимаю, – сказала Фиби. Хотя и не в том смысле, что подразумевала Вики. В первую очередь она подумала о многочисленных несчастных женах отца и о других разрушенных жизнях, которые он оставил после себя. Которые теперь объявляются каждый день.

Она понимала это чувство, что высшая сила управляет твоей жизнью, потому что для многих людей Дэниэл Нобл был этой высшей силой.

– Это был кошмар, Фиби. Нет, не кошмар. Кошмары. Много, одновременно. Я теперь только жду, чем все закончится. Может, на Рона снова подадут в суд за врачебную халатность, и он сольет и эту работу. Я почти надеюсь на это.

Она покачала головой.

– Вау.

Вики посмотрела на нее с кривой ухмылкой.

– Даже сказать нечего, да?

– Прости. Я никогда не знаю, что нужно сказать.

– Все нормально. Я понимаю. Моя жизнь – катастрофа. Я каждый день встаю, смотрю на себя в зеркало и тоже – «вау».

Фиби начала жалеть, что открыла этот ящик Пандоры. По тому, сколько выпила Вики этим утром, можно было представить, какую волну боли и гнева она сдерживает. Напрашивался вопрос, насколько хуже пойдет дело и не начнет ли она в итоге обращаться к ней с какими-нибудь неприятными просьбами? Фиби почувствовала горечь во рту, когда вспомнила, почему всегда избегала сближаться с людьми. Ожидания – в конце концов они всегда приходят, так? И в большинстве случаев – с протянутой рукой.

На нее нахлынуло чувство стыда от осознания, насколько сильно она сейчас напомнила себе отца. Вики всего лишь ждет, что ее выслушают. Некрасиво искать за этим какой-то расчет. А если бы ей пришлось просить о поддержке? Пять минут назад Фиби была счастлива называть ее подругой. Друзья помогают друг другу.

Но не было ли немного нечестно со стороны Вики ставить ее в положение, когда она вынуждена либо согласиться, либо рискнуть навсегда остаться в натянутых отношениях с соседями? Она не кажется таким человеком, но они знают друг друга всего несколько недель. Если она что-то и узнала о людях в последнее время, так это то, что ты можешь знать человека целую жизнь и вдруг обнаружить, что он чужой.

Несмотря на свои сомнения, Фиби все же задала единственный вопрос, о котором могла думать и который уместен, когда подруга рассказывает о своих проблемах:

– Я могу чем-то помочь?

На лице Вики отобразилось частично облегчение, частично удивление, частично... негодование? Фиби подумала, не сделала ли она что-то не так, но Вики допила остаток вина, поставила бокал и глубоко вздохнула.

– Дело в моей матери. Она...

Два раза подряд позвонили в дверь, и они обе подпрыгнули. Вики опрокинула на колени тарелку с почти нетронутой едой и раздосадованно вскрикнула, когда ее пирог и вилка упали на каменный пол двора.

– Черт возьми!

– Все в порядке. – Фиби встала. – Я сейчас приду.

Она скользнула к двери, скинув с себя напряжение этого момента. Не важно, кто там. Это может быть торговец библиями или даже журналист с вопросами об отце, все равно. Однако, когда она увидела Джейка, ее сердце, как обычно, забилося, и она широко улыбнулась. Она не ожидала увидеть его сегодня.

– Привет, как дела?

Он не улыбнулся в ответ и вообще выглядел немного бледным. Его футболка спереди была вся мокрая.

– Мама еще здесь? – спросил он.

– Да, заходи.

Она повела его к дворику, но Вики уже ставила свою тарелку в раковину на кухне. Она нахмурилась, увидев сына.

– Что случилось?

Он прочистил горло и начал переминаясь с ноги на ногу.

– Ну, э, у нас затопило кухню.

Вики разинула рот.

– *Затопило?* Что ты *сделал*?

– Я просто запустил посудомойку, как ты просила. Из-под раковины забила вода. Кажется, лопнул один из шлангов. Я выключил воду и перекрыл вентиль, но, думаю, надо позвать кого-то...

– Да ладно. Если там плохой шланг и немного воды, я сама разберусь с этим.

Он снова вздохнул.

– Это не просто шланг. Когда я выключал воду, вентиль надломился. Я посадил его на изоленту, но он еле держится.

Ее лицо стало почти цвета свеклы.

– Почему ты не перекрыл основной вентиль?

– Я не знаю, где он. Я посмотрел рядом с бойлером, но я не сантехник.

Вики сжала руки в кулаки и стала трясти ими возле головы.

– Прекрасно! Просто... просто *восхитительно*.

Она повернулась к Фиби, на ее лице отразился гнев, казавшийся почти обвинительным.

– Видишь, что у меня здесь? Нельзя уйти даже на один гребанный час!

Фиби открыла рот, но не была уверена, что сказать, чтобы это не прозвучало слишком неуместно. «Вау» подошло бы. Но это было неважно, потому что Вики устремилась к двери, а Джейк за ней следом. Через плечо он бросил в сторону Фиби несколько виноватых взглядов. Через несколько секунд дверь захлопнулась, и Фиби содрогнулась в тихом вакууме. Она собралась было утешить себя куском пирога Вики, когда зазвонил телефон. Это был Уайатт. Она думала дождаться, пока он запишет голосовое сообщение, но ей нужно было заполнить пустоту другим голосом, даже если в последнее время он был не слишком дружелюбным. К тому же она не могла вспомнить, когда он в последний раз звонил ей с работы. Это могло быть что-то срочное. Хотя, случись что-то, разве ей он позвонил бы в первую очередь?

– Аллю?

– О. Привет. – На фоне шуршали бумаги.

Фиби подождала пару секунд и нахмурилась.

– Ну... как дела?

– Прости, я не ожидал, что ты возьмешь трубку. Просто собирался оставить тебе сообщение.

– Ты мог написать СМС или письмо, если не хотел говорить со мной.

– Я не это имел в виду. – Он вздохнул. – Слушай, прости. Я позвонил сказать, что я отменил то, что мы планировали с Джином и его женой еще давно. Собраться в эти выходные.

Ей понадобилось немного времени, чтобы связать все в голове. Джин. Джин Филдер, товарищ Уайатта по работе. У него небольшая практика со специализацией на детской бихевиоральной терапии. Он и его жена, Сара, ближе всего подпадали под понятие «общие друзья» для Фиби с Уайаттом в последние пару лет, но она даже не могла вспомнить, когда они виделись в последний раз. На Рождество?

– А что там?

– Джаз-фестиваль в Инглвуде.

– А.

Тишина. Он добавил:

– Я знаю, что ты все равно не любишь джаз.

– Да, ненавижу. Забавно, что сначала ты сказал, что мы поедем.

Она знала, что это только накалит ситуацию, но не могла с собой ничего поделать. Он каждый день будто дает ей новый повод для раздражения. Уже не первый раз Уайатт соглашался пойти на мероприятие, которое не понравится одному из них или обоим, просто потому что не знал, как сказать «нет». Джаз-фестиваль – это не так ужасно, как когда, скажем, Джин пригласил их на рекламную акцию какого-то подозрительного таймшера во Флориде, но вечер все равно закончился бы головной болью.

– Я просто пытался быть открытым. Ну, знаешь, провести время с друзьями.

Она хотела сказать ему, что у нее есть друзья и в последнее время она достаточно открыта, большое спасибо, но сегодня уже был один эмоциональный срыв на кухне, и она не собиралась повторять это.

– А почему ты не едешь? Тебе не нужна я, чтобы быть открытым.

Тишина на полминуты.

– Не знаю. Может.

– Ладно, если это все, что ты хотел, поговорим позже.

Он начал что-то говорить, но она уже повесила трубку.

* * *

Час спустя в дверь снова позвонили. Фиби уже почти решила проигнорировать звонок и продолжить смотреть тупое реалити-шоу, которое она включила, чтобы заглушить голоса в своей голове. Но, вероятно, это Вики, и она обязательно захочет сгладить утреннее происшествие. Если вообще было что сглаживать. Они не поссорились. Тем не менее Фиби чувствовала себя, будто они поссорились или будто гнев Вики был направлен на нее, хотя она и не понимала почему.

Уайатт со своей уважаемо-психотерапевтической-экспертной мудростью сказал бы, что это проекция. Фиби была не слишком довольна собой в последнее время. Она трусливо скрывалась от мира, чтобы не оправдываться за позор отца, который она как будто тоже унаследовала. Питала страсть к подростку. Позволила браку провалиться в тартарары. Набрала вес. Пила не просыхая. Естественно, что ее отвращение к себе возвращается к ней почти от кого угодно. Проблема в ней, а не в ком-то еще. Вики не сердится на нее. Она сходит с ума от всего, что происходит вокруг. И ей важно знать, что кому-то есть до этого дело. Им обоим важно это знать. Может, наступит черед Фиби рассказать ей о своей так называемой очаровательной жизни в роли дочки безжалостного босса.

Она встала с дивана, выглянула в окно и увидела, что на крыльце стоит не Вики, а Джейк. Он выглядит еще более серьезным, чем раньше, но по крайней мере он был в сухой белой футболке и джинсах. Она открыла дверь.

– Можно зайти? – спросил он.

Она вышла за порог, чтобы дать ему пройти, и снова проверила улицу. Синей машины все так же не было. На сей раз она заглянет в свой блокнот. Последняя запись сделана во вторник утром. Сегодня пятница. Может, приходил полицейский, пока она не видела. Она почувствовала внезапный укол разочарования, подумав о такой вероятности.

Джейк стоял на кухне, опершись на стойку, его руки были задумчиво сложены. Молчание было настолько неприятно вязким, что Фиби чуть не выпалила что-то в духе – *Хей, сегодня у всех плохое настроение!* Вместо этого она оперлась на стойку напротив него.

– Хочешь попить что-нибудь? Может, маминого пирога?

Он покачал головой.

– Я хотел извиниться за то, что случилось сегодня.

– Не за что извиняться. Все в порядке?

– Сейчас да. Мы вырубili воду до того, как стало хуже. Сантехник придет сегодня вечером. Мама пытается успокоиться и не схватить удар. Все это так глупо.

Он провел рукой по волосам, и несколько прядей упали ему на глаза. Почти рефлекторно она поправила их и сразу поняла, насколько интимным был этот жест. Уместным только для близких людей. На самом деле она еще никогда не прикасалась к нему. Его решительный взгляд сказал ей, что он подумал то же, но не пытался отстраниться. Вместо этого он завел небольшую прядь ее волос за ухо медленным преднамеренным движением, кончики его пальцев задержались и мягко соскользнули вниз по линии ее лица.

– Тебе тоже нужно было поправить.

Фиби заняла себя тем, что пошла к раковине за стаканом воды. Даже стоя спиной к нему, она чувствовала его пристальный взгляд.

– Вы приехали сюда всего несколько недель назад, – сказала она. – Твоей маме скоро станет попроще, я уверена. С таким же успехом она могла говорить о себе, хотя внутри чувствовала, что ничего не упрощается. Она заставила себя выпить воды. Глотки были большими и громкими.

– Я сомневаюсь, что ей станет проще.

– Я уверена, что это не так, – сказала она.

– Это так. Что-то идет не так, если Вики Нейпир не страдает. Значительной ее части нравится то, что происходит сейчас, потому что она может сыграть жертву. Так неловко, когда она выходит из себя, как сегодня утром. Она не заботится о том, что чувствуют люди вокруг. Это в ее стиле, понимаешь?

– Боль и стресс могут делать людей эгоистичными, хотя они этого не замечают.

– Конечно, сейчас она ужасно чувствует себя из-за того, как она себя повела. Я сказал ей, что это было некрасиво.

– Джейк, не нужно относиться к людям жестче, чем они относятся сами к себе.

Он вздохнул.

– Я знаю, ты права. Но чем дольше ты будешь ее узнавать, тем больше ты будешь понимать, что я имею в виду. Я понимаю, что она поначалу выглядит классной, но поверь мне...

Он замолк. Она почти надела на него, чтобы он закончил мысль, но точно ли она хочет знать больше? В этот момент Фиби почувствовала, что она погружается в мир дисфункционального семейства Нейпиров глубже, чем ей того хочется. Может, нужно сохранить некоторую непрозрачность ради того, чтобы остаться хорошими соседями?

– Что ж, я готова отдалиться от нее и двигаться дальше. Она очень подавлена. Я бы тоже была подавлена.

– Да, но я сомневаюсь, что ты бы вела себя так.

Она повернулась к нему.

– Ты знаешь наверняка?

– Я думаю, я уже неплохо понял, какая ты. – Он улыбнулся. Теплые угольки в ее животе разгорелись. – Ты классная. Как... Блейк Лайвли или Кира Найтли.

Фиби залилась смехом.

– Уау, Джейк. Ты выпил?

Она очень хотела бы быть как они. Понадобился бы целый галлон вина, чтобы заткнуть девочку в ее голове, визжащую от сравнения с двумя красивыми актрисами.

Он подошел к ней сзади, стоя достаточно близко, чтобы коснуться ее плеч. Такая близость сводила с ума, как и запах его одеколона.

– Сегодня нужно что-нибудь сделать?

Она повернула голову, чтобы посмотреть на него. Она была уверена, что провалится в его такие голубые глаза и потонет в них, если продолжит смотреть.

– Джейк, – начала она, пытаясь понять, как именно собирается продолжить.

– Мне просто нужно отвлечься. Не отправляй меня обратно.

– Ты в любой момент можешь сходить на пробежку, – предложила Фиби.

– Я думал об этом. Но, скажем так, я предпочитаю твою компанию. – Он слегка подтолкнул ее плечо своим – еще одно небольшое движение, несущее в себе близость.

Окей, все. Пора снова быть взрослой, Фиби. Признай то, что происходит между вами, и отправь его восвояси, пока вы не сделали что-то действительно глупое. Но после сегодняшнего утра ее равновесие было очень неустойчивым. Было сложно произнести нужные слова, но она вытолкнула их через тонкую линию своих губ:

– Я думаю, тебе не стоит больше приходить.

Он покачал головой.

– Пожалуйста, не говори так.

– Я должна поступить правильно.

Да, вот так. Это всегда нелегко, но оно того стоит. Но правильно ли это? Поступить правильно значит сидеть в одиночестве перед телевизором – в конечном итоге пьяной. Поступить правильно значит все так же оставаться на этом примятом диване, пока человек, который знает, что ты ненавидишь джаз, и все же планирует пойти с тобой на джаз-фестиваль, приходит домой и своим унылым лицом напоминает тебе, какая ты бессердечная сволочь.

Перспектива поступать правильно не отзывалась мощным стуком сердца или ощущением, что она стоит на высоком узком выступе с нераскрытыми крыльями за спиной, готовая прыгнуть. Возможно, это превращает правильный поступок в неправильный. По крайней мере сейчас. *О, мы сами себя обманываем.* Она прогнала этот издевательский голос прочь.

Джейк повернулся к ней, окончательно преодолевая всякое пространство между ними.

– Я уйду, если хочешь. Но почему у меня такое ощущение, что мы оба хотим чего-то другого?

Откуда он берет такую уверенность в свои молодые годы? Она открыла рот, чтобы сказать что-то, но не смогла произнести нужную ложь. *Просто подумай, как пройдут следующие несколько минут. Ты не сможешь пережить это небольшое увлечение, если не дашь ему двигаться естественным образом. Думай об этом как о попытке излечить себя.*

Она поцеловала его еще до того, как нашла здоровое опровержение этой странной идее. Он горячо ответил на поцелуй, будучи опытным, хотя и не слишком, и он был вполне готов следовать за ее инициативой.

– Мы не можем заняться сексом, – прошептала она. – У меня нет презервативов.

– Ничего.

Чем дольше они целовались и гладили друг друга сначала через одежду, а потом и под ней, тем в большей агонии она была из-за того, что не может быть с ним так, как ее тело требует больше всего. Поэтому она выбрала второй по приятности путь к удовлетворению, взяв его руку и направив ее себе между ног. Он оказался более умелым, чем она ожидала. Она плотно притянула его к себе, пока он работал пальцами, и оргазм настолько захватил ее, что она даже не заметила, что вонзила свои ногти глубоко в его плечо, пока он не закричал.

– Прости, – выдохнула она, отпустив его и облокотившись на столешницу – ноги слишком сильно дрожали, чтобы держать ее. Джейку было не намного лучше, когда он сделал долгий прерывающийся выдох и снова встал перед ней.

– Это правда только что случилось?

– Думаю, да. – Признать это было довольно легко. Сложно было согласиться с тем, что этого недостаточно. Существо внутри, которое она надеялась изгнать, теперь вполне пробудилось и испытывало голод.

Он спросил, будто бы слышал ход ее мыслей:

– Большого не будет?

– Ты ведь понимаешь, что большего быть не может? Я замужем. Ты уезжаешь учиться. – *Еще мы с твоей матерью подруги* говорить не стоило. Это невидимый слон в комнате, который может задавить ее, если она позволит.

– Я могу разобраться с этим. – Он легко провел по ее руке, заставляя волну мурашек пробежать по ее телу.

Она положила голову ему на плечо, и его рука скользнула по ее бедрам, притягивая ее ближе. Она почувствовала, что разогревается для второго раунда, но сначала было необходимо обозначить правила игры.

– Нам нужно быть очень осторожными. Боже мой, если кто-то узнает...

– Не беспокойся. Я умею быть осторожным.

Она подумала о своем друге в синей машине, потенциальном свидетеле.

– Ты знаешь велосипедную дорожку, которая проходит через лес за нашим тупиком?

– Конечно. Я всегда бегаю там.

– С этого момента ты всегда будешь приходить и уходить по ней. Меньше риска, что кто-то увидит тебя.

– Окей. – Он ухмыльнулся. – Я чувствую себя немного как соучастник преступления.

– Да, думаю, к этому можно относиться и так. – В любом случае, она возьмет на себя ответственность за «мальчика-игрушку».

Он приблизился к ее лицу. Сначала он выглядел серьезно, но потом в его глазах засверкали веселые искры.

– Еще раз спрошу. Что мне нужно сделать сегодня?

И у нее была на примете пара дел.

Интерлюдия

Я знаю, что в последнее время ты была занята укреплением дружеских отношений с новыми соседями, но, скорее всего, ты заметила, что и я не так часто была на месте. Я компенсирую это тем, что даже сейчас сижу здесь, но мне пришлось задержаться перед утренним дежурством. Я не могу позволить тебе думать, будто я забыла о тебе, хотя, когда жалюзи не дернулись после ухода мужа, поначалу я предположила, что ты так и подумала. Но в конце концов ты выглянула. Немного поздно, но лучше, чем никогда. Приятно знать, что ты все еще поглядываешь на меня.

Ты можешь винить Джесси Бахмана за мое отсутствие. Поведение маленького сального унылого мужика ухудшается. В магазине он сразу начал доставлять мне гораздо больше проблем, угрожая доложить на меня за самые мелкие нарушения вроде того, что я зарегистрировалась на минуту или две позже или не собрала тележки с парковки в назначенное время, даже когда не хватало рабочих рук на регистрации. Потом я стала замечать более тревожные вещи, например, когда еда и напитки, оставленные мной в холодильнике комнаты отдыха, оказались испорчены – сэндвичи сплющены, крышка бутылки с водой вскрыта. Я сразу выбросила все это и просто стала покупать еду в соседнем прилавке.

И теперь это распространяется на другие сферы моей жизни. Пару дней назад я получила имейл с фотографиями моей машины на этом самом месте, из которого стало ясно, что он преследует меня вне работы. Несмотря на серьезные неудобства, связанные с этим, я не могу не восхищаться его шпионскими навыками. Можно только гадать, до чего он дойдет, но я подозреваю, что ни до чего для меня хорошего.

Если бы ты была моей подружкой и выслушивала все это, ты наверняка бы подумала, что сейчас я напугана. Еще ты наверняка бы спросила, почему я до сих пор не пошла с этим к руководству или даже в полицию. К сожалению, все, что он делал к настоящему моменту, сложно напрямую повесить на него так, чтобы не показаться параноиком. С учетом этого я подстраховалась, применив против этого подонка свои лучшие умения.

Вчера была инвентаризация, которая обычно затягивается до поздней ночи. У меня была возможность освободить этот вечер. Бахман, стоя на самой нижней ступени супервайзерской лестницы, был не столь удачлив. Он сделал так, что все вокруг были в курсе, как он недоволен этим. Я уже знала, где он живет. Он не единственный, кто может залезть в файлы сотрудников. Руководство плохо следит за безопасностью личных данных.

В соответствии со стереотипами о злобных отбросах общества, он живет с матерью, разве что не в подвале. Его комната находится над ее гаражом, расположенным за аккуратным домиком в восьми милях к северо-западу от Лейк-Фореста. На территории нет ни камер, ни сигнализации, во всяком случае я их не обнаружила при кратком осмотре, но биометрический замок, который он поставил на дверь, был бесподобен. Мне понадобилось всего лишь выпрямить скрепку, чтобы открыть дверь через ручной сброс пароля. Но одно то, что, по его мнению, это было гораздо безопаснее традиционного качественного врезного замка, говорило о том, что ему было что скрывать. Когда я проникла внутрь, у меня возникло чувство, что сейчас Рождество.

При всем том рвении, что он вложил в этот модный умный замок, он не приложил особых усилий, чтобы припрятать вещи прямо за дверью. Конечно, на его компьютере стоял пароль, как у всех в наше время, но мне даже не нужно было в него заходить с учетом всего того, что было нескромно разбросано по комнате. Буквально десятки распечатанных фотографий, прикрепленных к стене рядом с кроватью, представляли собой кадры с камер слежения в магазине, все – женщины-посетительницы и сотрудницы, включая меня. Он обозначил всех очаровательными прозвищами. Наш генеральный менеджер: Террористка Тереза. Одна из наших

ночных кассирш: Мелкая Мелани. Я была просто – «Мерзкая Шлюха», даже не достойная остроумной аллитерации. Точно так же он обращался ко мне в имейлах. Не то, чтобы мне нужны были доказательства, что именно он стоит за фотографиями машины, но, тем не менее, это было приятным подтверждением.

Также я обнаружила его тягу к хорошим старомодным желтым блокнотам. Возвышающаяся стопка таких блокнотов рядом с его кроватью могла бы обеспечить меня развлечением на несколько дней, если бы у меня было время или желание читать полные обиды манифесты хронически отвергаемого нарцисса, но одного блокнота сверху было вполне достаточно для моих целей. Я сделала несколько снимков его страниц и фотоколлажа на стене – и свалила со своим небольшим джекпотом.

Теперь мне нужно только решить, что делать с этой информацией. Сказать Бахману, что у меня есть на него, и вынужденно сыграть вничью? Или использовать ядерное оружие и отправить все Террористке Терезе? Оба варианта по-своему притягательны. Я дам им немного повариться у себя в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.